

О. СТУЖЕВ

18+

**ПРАВИЛА
МЕРДЖА**

Остап Стужев
Правила Мерджа

«У Никитских ворот»

2022

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

Стужев О. И.

Правила Мерджа / О. И. Стужев — «У Никитских ворот», 2022

ISBN 978-5-00170-707-3

Казалось бы, все складывается неплохо у Ромы Чекаря в сегодняшней жизни: помимо успеха у женщин, он еще и весьма обеспеченный бизнесмен... Если бы не тайны его молодости и первая любовь, так и оставшаяся неизменной в его сердце. Но тут судьба делает неожиданный поворот, и вслед за вроде пустяковыми проблемами с акциями его холдинга возникают коллизии давно забытой гражданской войны в Испании, утраченных шедевров музея Прадо и могущественных недоброжелателей. Прилетев в Женеву, чтобы вместе со своим старшим партнером найти выход из положения, он, вдохновленный удачно складывающейся ситуацией, совершает роковую ошибку и отправляется в Колумбию...

УДК 82-3

ББК 84 (2Рос=Рус) 6.44

ISBN 978-5-00170-707-3

© Стужев О. И., 2022

© У Никитских ворот, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Остап Иванович Стужев

Правила Мерджа

© Стужев О.И., 2022

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2022

Данная книга представляет собой художественный вымысел, за исключением исторических и географических фактов. Любые сходства с реальными людьми, живыми или умершими, случайны.

Я то, что есть, и был бы тем же самым, Если бы самая целомудренная звезда мерцала над моей колыбелью.

В. Шекспир. «Король Лир»

Часы, помнившие, наверное, еще времена Демидовых, пробили пять. Стоял конец декабря, и за окном уже давно было темно. Рома Чекарь остался один в кабинете управляющего головным комбинатом, входящим в Северный холдинг. Чекарь была не кличка, а самая настоящая фамилия, и Рома очень бережно относился к правильно поставленному ударению. Он весьма огорчался, если кто-то случайно, или не совсем случайно, называл его не Чéкарь, а Чекáрь, делая ударение на последний слог, совершенно неуместно выделяя букву «а» вместо «е» и, таким образом, не только коверкая звучание, но и очевидно искажая смысловую нагрузку, по мнению Ромы, зашифрованную этими шестью буквами его фамилии. Гражданам, совершившим такую нелепость впервые, Рома обычно вежливо и доброжелательно старался показать свое искреннее разочарование. Повторное невнимание к лингвистическим нюансам вызывало у него неподдельный интерес к говорившему, что-либо корректировать не имело смысла, ибо если человек не понимал с первого раза такую убедительную просьбу, то на это должны были быть веские причины, в хитросплетениях которых придется разбираться.

Сегодня было воскресенье; он специально выбрал этот день. Ему не хотелось вмешиваться в рутинную работу менеджеров и директоров, а тем более нервировать их своим появлением. Встретивший его хозяин кабинета, седовласый мужчина лет пятидесяти, сказал, что у него еще есть работа, но он закончит ее у главного инженера. Дела на комбинате шли хорошо, мотивированное руководство присутствовало на своих местах даже по выходным. Несмотря на это, в последние годы Роме все сложнее было балансировать между интересами двух основных акционеров. Встреча с одним из них была назначена сегодня на шестнадцать часов. Неожиданно решивший лично посетить комбинат Магомед-Алиев, владевший значительной долей в капитале холдинга, опаздывал уже на целый час.

– Ничего не поделаешь, старших принято уважать, а тех, у кого почти треть голосующих акций, можно и подождать, – с присущим ему чувством юмора срифмовал Чекарь вслух, обращаясь к самому себе.

На сервировочном столике возле стоящих углом диванов он заметил стаканы и две, на выбор, бутылки: с виски и коньяком. Он щедро плеснул себе восемнадцатилетний «Макаллан», оставив две крохотные капельки на своем сшитом в Лондоне на Сэвил-роу костюме. Говоря по правде, Чекарь уже давно не носил других, кроме как сшитых по размеру или bespoke¹. С его странной фигурой было просто невозможно подобрать что-то с вешалки в магазине. Узкие плечи абсолютно не гармонировали с той фантастической силой, какую он развил еще в молодости, занимаясь тяжелой атлетикой. Сделав добрый глоток виски, он взял из хрустальной вазочки оливку и аккуратно обгрыз от нее половинку, оставив косточку торчать наружу. На экране айфона высветилось сообщение. «Набери мне сейчас», – писал второй ключевой акци-

¹ По индивидуально изготовленным лекалам (англ.).

онер – Сергей Николаевич Кольцов. Чекарь сел в мягкое кресло напротив большого телевизора и, выключив звук, выбрал спортивный канал. В мессенджере появилось новое сообщение с тремя знаками вопроса. И тут же последовал входящий звонок.

– Да, добрый вечер. – Рома ответил сразу и, устроившись поудобнее, приготовился слушать.

– Ну, это у вас там вечер, а у нас тут, в Европах, еще день. Что у тебя там? – произнес Кольцов скороговоркой.

– Жду Магомеда.

– Опаздывает? Ему с его артритами у тебя в Уральске как бы живым остаться. Сколько там у вас сейчас ниже нуля-то? – в голосе говорившего звучала легкая ирония.

– Минус двадцать, сегодня потеплело, – пошутил в ответ Чекарь.

– Смотри, что я хочу сказать по ситуации, – перешел Кольцов к делу. – Кто-то пытается создать еще один консолидированный пакет. Я слежу за биржами, и по моим данным, этому кому-то удалось купить процента четыре с половиной из тех, что мы пустили в свободную продажу после IPO. Скажи Магомеду, я не хочу недомолвок, и я уверен, что это делается не с его ведома, но его многочисленные родственники вызывают у меня серьезные опасения.

– Как я ему это скажу? Если мы знаем, на ком сейчас записаны эти четыре или пять процентов, мы что, не можем понять, кто собственник? – возразил Чекарь, зная, насколько болезненно воспринимает Магомед-Алиев любые инсинуации в адрес своей многочисленной родни, которая, по правде говоря, больше походила на стаю пираний, чем на людей, когда речь шла о делах и дивидендах холдинга. Кольцов прекрасно это знал и тоже не хотел усложнять свои и так натянутые в последние годы отношения с Магомедом. Времена сильно изменились с тех пор, как они прибрали к рукам несколько высокорентабельных производств, объединили их в холдинг и вот уже много лет получали щедрые дивиденды.

– Я работаю над этим. Если бы консолидатор не прятал концы, не было бы повода для этого разговора. Мы выплачиваем хорошие дивиденды, и интерес к нашим акциям мог бы объясняться этим. Зачем тогда этому консолидатору офшоры, и тем более в странах, куда нам трудно дотянуться? – ответил Кольцов, как он любил это делать, с вопросительной интонацией в конце. После небольшой паузы, повисшей в воздухе, так как Чекарь не спешил отвечать на риторические вопросы собеседника, он продолжил: – И к тому же ты знаешь, акции сейчас торгуются по цене ниже, чем когда мы вышли на IPO. Следовательно, для любого из нас сейчас было бы выгодно скупать дешевле, чем продавали год назад.

– Сергей Николаевич, в таком случае это вам интереснее всего получается покупать, вы ведь продали больше всех остальных участников, – сказал Чекарь, внимательно выслушав суждения старшего партнера и посчитав их слишком запутанными.

– Так, Рома! Яйца курицу не учат. Твои пятнадцать процентов в акционерном капитале гарантируют тебе, если я не ошибаюсь, тридцать миллионов баксов в год, плюс твои накладные и представительские расходы. Я ничего не путаю? – опять повисла пауза, и снова, не дождав-шись ответа, Кольцов продолжил: – Я оставил себе блокирующий пакет и не лезу в дела, потому что, слава богу, вы с Магомедом у меня не одни, но если какие-то идиоты – не важно, родственники или не родственники – хотят залезть к нам под шкуру, ты знаешь, они об этом пожалеют. И я должен вас обоих поставить в известность о происходящем на рынке, так? – сказав это, он замолчал, решив дождаться реакции на другом конце.

– Вы знаете, ни я, ни Магомед никогда не пойдем против вас. Я передам ему все, что сейчас услышал, тем более его самого волнует падение цены на акции холдинга. – Ответив, Чекарь встал и, подойдя к сервировочному столику, налил себе еще виски.

– Если его волнует падение цены, то скажи ему следующее: надо просто уменьшить дивиденды и инвестировать немного в технологии, рынок реагирует даже на такие простые реше-

ния, – проворчал Кольцов. Он закончил службу генералом, и поэтому был глубоко и искренне уверен, что разбирается во всем, включая загадки биржевых торгов.

– Сами когда заедете? – спросил его Роман. По посторонним звукам, доносящимся из телефонной трубки, он догадался, что его собеседник находится в каком-то аэропорту.

– Думаю, дней через десять. Мне надо побывать еще в паре стран, – последовал лаконичный ответ. Кольцов, скорее всего, собирался лететь в Женеву к дочери, но по известной им обоим причине он никогда не упоминал этот город в разговоре с Чекарем. Тот понял это без слов, и боль, много лет живущая в сердце, проявилась гримасой недовольства на его розовощеком лице.

Наконец за окном кабинета почувствовалось какое-то движение. Блики фар и проблесковых маячков машин сопровождения отразились в трех хрустальных люстрах, свисавших с высокого потолка директорского кабинета. Чекарь подошел к окну, чтобы посмотреть на почти священный ритуал. Впервые он увидел, как Магомед-Алиев выходит из машины, семнадцать лет назад, когда прилетел к нему в Махачкалу, прячась в багажном отсеке военно-грузового транспортника. С тех пор ничего не поменялось. Так же охрана открыла заднюю дверь и помогла Магомед-Алиеву встать на ноги. Чекарь допил виски и, оставив стакан на подоконнике, вышел в приемную.

* * *

Магомед Магомед-Алиев был призван в ряды Советской армии из своего родного дагестанского села, как и положено, почти сразу, как ему стукнуло восемнадцать. С его плоско-стопием морская пехота или десантные войска, о которых в те годы грезил любой школяр в Советском Союзе, были закрыты наглухо. Его без всяких колебаний отправили служить в конвойные войска МВД СССР, где он, быстро освоившись, возглавил подразделение кинологов в шестой роте одного из конвойных полков дивизии. Собак он любил и понимал с детства. В селе, где прошла его жизнь, скотоводство было, пожалуй, единственным занятием, которое признавали его обитатели.

И еще была борьба. Боролись с детства на праздниках, на свадьбах, только разве что не на поминках. Если свадьба была богатая, то на призовые победителю можно было купить новые «жигули». Собиралось много претендентов, и приезжали даже мастера спорта международного класса, решившие подзаработать тем, что они умели делать лучше всего. Не было весовых категорий и судей. Боролись только в стойке. Победу присуждали старейшины за понастоящему красивый бросок. Схватки иногда длились больше часа, но спешить было некуда, свадьбу играли по несколько дней. Редко случалось, когда дошедшие до финала пробовали устроить вместо настоящей схватки показуху. Тогда гости просто начинали смеяться, и сотни скомканных, потертых, прошедших множество рук красных советских червонцев и фиолетовых двадцатипятирублевков оставались неврученными. Зрители просто возвращались к столам, презрительно махнув рукой на актеров, а не мужчин. Магомед всегда боролся отчаянно, до последнего, и несколько раз даже проходил дальше второго круга. Его утешало, что в своем селе он точно был первым. А что еще надо человеку?

В 6-й роте бороться было не с кем. И Магомед крутил «мельницы» немецким овчаркам. Он попробовал сделать одной собаке зацеп изнутри, но сломал ей ногу и, отсидев трое суток «на губе», решил ограничиться «мельницами». Все собаководы были его земляками, и какого-либо недопонимания, кто есть главный, с представителями других национальностей не наблюдалось даже в первый год службы.

В весеннем призыве следующего года было много ребят из прибалтийских республик – все с коротко остриженными русыми волосами и немного туповатыми крестьянскими лицами. Из двадцати с лишним призывников только у одного были черные волосы, да и то он оказался

русским из Риги, внучком какого-то чекиста, оставшегося в Латвии после зачисток немецкого присутствия. По меркам конвойных войск, парень был высокий, даже несмотря на сутулость. В некрасивых очках с круглыми стеклами он походил скорее на молодого доцента, чем на солдата.

Дав «молодым» пару недель оклематься, свыкнуться, так сказать, с окружающей реальностью, «дедушки» с «черпаками»² решили: пора показать «молодым», как надо Родину любить. Их подняли ночью и построили в ряд. «Молодые» стояли в одном нижнем белье и в сапогах без портянок. Для начала, дав каждому пару раз по животу, чтоб прогнать остатки сна и иллюзий, «дедушки» довели до их сведения новые правила взаимоотношений, а после устроили под кроватями изучение правил дорожного движения. Смысл забавы заключался в следующем: каждый отдельный боец изображал автомобиль и в зависимости от своих размеров мог быть «грузовиком» или «легковушкой». Из пяти литовцев сделали поезд, заставив их лечь на живот одного за другим. Они поползли под кроватями по кругу через всю казарму и регулярно гудели, как гудит паровоз. Поезд должны были пропускать остальные участники движения. Иногда мог загореться красный свет. Это происходило так: если одному из «дедушек» надоело монотонное движение и в этот самый момент под шконкой, на которой он сидел, мчалась «легковушка» или пыхтел усталый «самосвал», он мог пнуть ногой ползущее внизу существо и под общий взрыв смеха, выплевывая через губу слова, произнести:

– Куда прешь? Не видишь – красный?

Следующий удар ногой, как правило, объявлял зеленый свет и возможность следовать далее. С желтым светом никто не заморачивался. Проблема возникла только с этим сутулым русским, который, отрицая важность изучения правил дорожного движения, пошел в полный отказ. Дабы не смущать остальных неправильным поведением, его повели в туалет на первый этаж, где то угрозами, то уговорами пробовали принудить к повиновению. Ударить его почему-то никто так и не решился. Когда до подъема оставалось меньше трех часов, педагоги отправились вздремнуть, оставив солдата на попечение дежурного сержанта, крупного и необычно широкого в кости казаха, который, указав ему на тряпку и ведро, приказал мыть полы. К удивлению сержанта, «молодой», не обращая на него внимания, сполоснул лицо холодной водой, хотя, надо заметить, другой там и не наблюдалось, и спокойно пошел обратно в казарму. Там он забрался на свою койку, очевидно, по какому-то недомыслию тоже решив воспользоваться оставшимся для сна временем. Сержант, не ожидавший такой борзости, сначала не знал, что делать, а потом, подойдя к нему поближе, начал было шептать солдату на ухо, стараясь не потревожить покой «дедушек», вдоволь наигравшихся в светофоры:

– Послушай, мальчик!

Ответ, полученный почти незамедлительно, расстроил сержанта.

Сначала не понявший точного смысла – несмотря на хорошее знание русского языка, сложные идиоматические обороты все еще оставались для него загадкой, – казах в замешательстве потоптался возле повернувшегося к нему спиной солдата. Невольно представив, как могло бы происходить то, что было ему обещано, он развернулся и какой-то обиженной походкой отправился восвояси.

Следующей ночью все повторилось с абсолютной точностью, за малым исключением: русский не встал по команде в строй, а остался невозмутимо лежать на верхней койке.

– Я зарезу его, суку! – завизжал один из «черпаков» странным фальцетом.

– Ты, гад, кито такой? – «дедушка»-узбек со смуглым лицом, усыпанным такими же фиолетовыми, как все его тело, фурункулами, дергаясь на нижней койке, начал ногой снизу толкать лежавшего как ни в чем не бывало салабона.

² Черпаки – солдаты срочной службы отслужившие первый год.

– Оставьте пацана в покое, – голос Магомед-Алиева звучал немного хриловато, он чувствовал себя простуженным, несмотря на теплые летние дни, и ему было трудно говорить громко. – Да и вообще, хватит на сегодня. Завтра утром «физкультур» делать будем, – продолжил он после недолгой паузы, в течение которой все участники замерли, как восковые фигуры, не смея пошевелиться. После последних слов все молча и быстро разошлись, стараясь не шуметь и забравшись под суконные солдатские одеяла, попытались быстрее заснуть, помня зловещее обещание «делать физкультур». Значит, завтра в шесть часов утра вместо обычного километра они побегут десять, и так как Магомед страдал плоскостопием, он не побежит, а поедет рядом на рыжем мерине, задавая довольно быстрый темп всем остальным.

Утро следующего дня выдалось хмурым и неприветливым. Разбуженный, как и все, командой «Рота, подъем!», Магомед-Алиев посмотрел в окно на затянутое тучами небо и решил, что лучше пойдет в санчасть, чем будет мокнуть под дождем, натирая зад о широкую спину полковой клячи. Его освободили от службы на три дня и, вернувшись в казарму, он, первым делом поменяв сапоги на тапочки, спустился на первый этаж и потопал в столовку, где дневальный быстренько соорудил ему чайку.

– Этот русский как вернется со службы, приведи его ко мне, – сказал Магомед дежурному по роте сержанту. Не было смысла уточнять, о ком идет речь, все и так было понятно.

– Он в комнате для инструктажа, его отделение сегодня на сутки на жилую зону заступает, как выйдут, приведу его, – ответил сержант, пока дневальный расставлял на столе масло, хлеб и тарелку с карамельными конфетами.

– Иди сейчас на кухню, попроси повара, пусть даст пару котлет или что там на обед сегодня, – сказал Магомед собравшемуся было исчезнуть дежурному и сделал маленький глоток из алюминиевой кружки, покрытой изнутри смолистым темно-коричневым налетом от бесконечного количества заваренного в ней чифирия.

Появившийся минут через сорок рядовой Кольцов прервал его невеселые размышления о своем будущем: служить оставалось еще больше года, а уйти в первой партии он не надеялся; неминуемая северная зима не сулила ничего хорошего его постоянно нывшим суставам.

– Чего хотел? – сказал «молодой», бесцеремонно усевшись на противоположную скамейку. Он взял хлеб и начал намазывать на него толстый слой масла.

– Поговорить с тобой хотел, объяснить тебе хотел, как вести себя надо со старшими, как уважать их надо, – сказал Магомед-Алиев, неожиданно для самого себя с какими-то мямлящими интонациями. Встреча началась не так, как он себе ее представлял. Приходилось менять тактику на ходу, и он по наитию предпочел осторожность.

– Ну, говори, давай не тяни только, – перебил его вконец оборзевший первогодок. Откусив несоразмерно большой кусок хлеба с маслом, он потянул к себе кружку с чифирем и, долив туда из чайника кипятка, сделал два глотка.

– Слушай, Кольцов, мы год прослужили, ты год прослужишь, и мы уйдем, придут «молодые», будут тебя и твой призыв слушаться. Понимаешь, о чем я тебе толкую? – снова затянул свою вольнку Магомед, глядя на сидящего напротив и как ни в чем не бывало жующего хлеб рядового.

– Вот что, мужик, ты давай не переживай за то, что будет, когда тебя не будет, занимайся своими делами – и доживешь до дембеля. Он у тебя через год вроде? – ответил русский, возвращая кружку на место.

Магомед почувствовал себя как-то неуютно, какой-то внутренний голос подсказал ему, что разговор закончен и все останется вот так и никак иначе. «Молодой», который легко и просто расставил все на свои места, встав из-за стола и зацепив длинными узловатыми пальцами, как хищная птица цепляет добычу, смачную горсть карамелек, сунул их в карман своего х/б.

«Ну давай, выздоравливай» – это была последняя фраза, которую Магомед услышал от него в этом разговоре.

Дни потянулись идущими один за другим караулами без всяких там ЧП и эксцессов. «Молодые» бойцы все как один, за исключением русского, усердно мыли полы и очки туалетов. А наглый новичок, как-то найдя общий язык с сержантами и старшиной, вертелся то возле каптерки, то возле комнаты хранения оружия, болтая с ними обо всем на свете. Все шло обыденно и незамысловато, пока десятого июня старшина роты не застрелился из табельного автомата у себя в каптерке. Этот старшина был здоровенный дядька, который на спор поднимал за задний бампер милицейский уазик и разворачивал его в обратную сторону, ни разу не ставя на землю. Тем утром он засунул ствол «калаша» себе в рот и, придерживая его левой рукой, правой дотянулся до курка и снес себе полбашки всего одной пулей. Дальнейшие события развивались так же стремительно, как рухнет карточный домик. Были арестованы их командир роты и несколько старших офицеров войсковой части. Ночью их увезли в неизвестном направлении, а группу старослужащих, включая ничего не понимающего Магомеда, отобрав у них ремни, отправили на губу. Им повезло с погодой, стояли летние дни, и в камерах гауптвахты, где зимой стены обрастали льдом, как в давно не чищенном холодильнике, можно было как-то находиться. Слухи поползли на третьи сутки, и от дежурного прапора сидельцы узнали о сути происходящего. Группа офицеров полка, в том числе их ротный и старшина, уже несколько лет промышляли продажей «калашей» и «макаровых». Начатое дело в виде безобидной продажи патронов, списываемых на плановых и неплановых стрельбах, переросло, несмотря на сумасшедший риск, в продажу стволов. И продано-то было немного, и номерные знаки тщательно спиливал тот самый старшина, мозги которого забрызгали парадные кители дембелей, развешанные по всей каптерке. Просто из одного злополучного автомата покروшили мусоров где-то под Ростовом-на-Дону, и участь незадачливых негоциантов была решена. Каким образом это относилось к нему и остальным арестантам, борец-собаковод не понимал, как не понимали и остальные. Однако общее настроение было отчаянным. Кормили их два раза в день какой-то дрянью, и спали они не больше трех часов в сутки. После отбоя начинались бесконечные проверки, и это длилось до самого подъема. Наконец на четвертые сутки ночью Магомед-Алиева под конвоем отвели в особый отдел. Он почему-то совсем не удивился, увидев Кольцова в форме старшего лейтенанта. По крайней мере, какая-то часть происходящего становилась понятна.

– Долг платежом красен, – сказал Кольцов и жестом пригласил его сесть. – Давай, похавай. Я смотрю, ты не очень-то удивлен. Догадался или рассказал кто?

Решивший держать масть Магомед-Алиев молча сел за стол и, отодвинув шмат сала в сторону, начал рассматривать открытую уже банку с тушенкой.

– Свиная? – Магомед понюхал красно-бордовую мясную гущу, хотя, по правде, ему было все равно, а есть реально хотелось неумоготу.

– Ну ты и клоун! Ты же в роте жрал свинину. – Кольцова на самом деле разбирал смех от разыгрываемого перед ним фарса.

– Жрут свиньи, а в столовке не помню, что ел. Может, ел, а может, не ел. Тут не буду. Спасибо за предложение.

– На, ешь, говядина, – сказал, смирившись, Кольцов. Позвенева ключами, он открыл сейф и вытащил банку говяжьей тушенки, початую банку огурцов и бутылку грузинского коньяка «Самтрест» с синей глянцевой этикеткой. Он поставил все это на стол, пододвинув банку и консервный нож к арестованному, и разлил по два пальца коньяка, за неимением другой посуды, в чайные чашки. Магомед-Алиев, знающий цену такому отношению, взял со стола чашку и замер, дожидаясь, когда офицер предложит ему чокнуться. Время остановилось на мгновение, и в повисшей тишине неожиданно резкий звук от прикосновения фаянса начал отсчет новой эры в жизни каждого из них. Голодавший последние дни Магомед мгновенно опьянел и с неожиданным сталинским акцентом произнес:

– Это хорошо, что ты уже старший лейтенант.

– Хорошо, что у тебя болело горло в ту ночь, а то отправил бы я вас всех в дисбат года на два. Пусть эти молятся на тебя, отпущу всех прямо сегодня, машина будет через час, поедете сразу в роту. Ротный у вас новый. О тебе предупрежден, но ты там присматривай за этими твоими идиотами. Подписывать тебя ничего заставлять не стану, но ты мой должник, помни. Будет надо – сам тебя найду. Лады?

Неожиданно для Кольцова ответ последовал не сразу. Доев тушенку, солдат налил до краев обе чашки коньяком под вопросительно-удивленным взглядом своего собеседника.

– Я буду об этом помнить, и мой дом будет открыт для тебя днем и ночью, но помни: ты тоже мой должник, и я могу рассчитывать на тебя. Если так, давай выпьем до дна, а если нет, то лучше дисбат.

Кольцов, считавший себя гением агентурной работы, обожал такие пассажи. Они выпили, пристально глядя в глаза друг другу, и расстались на несколько лет, пока хитросплетения бизнеса и политики не свели их вновь.

* * *

Охрана Магомед-Алиева, он сам и еще несколько человек из его родни, старавшихся быть полезными и дававших все время одни и те же дурацкие советы, медленно поднимались на третий этаж. Лифт только собирались устанавливать в старом, царских времен постройки корпусе заводоуправления, и вся процессия терпеливо ждала, пока их хозяин медленно переставит ногу с одной ступеньки на другую. Чекарь не любил свиту Магомеда и встретил их не на пороге кабинета управляющего, а в коридоре. Они обнялись по традиции, начавшейся с давней поездки в Андорру, откуда Роман вернулся к нему в Дагестан уже не в статусе приживала, а скорее единственного человека, которому можно было верить. Чекарь пропустил гостя вперед и, повернувшись к начальнику его охраны, стараясь оставаться дружелюбным, сказал:

– Аслан, не надо в приемной толпиться, там секретарь – девушка, чего ее смущать? Идите в столовую, я распорядился накрыть там для вас. – Не дожидаясь ответа, Чекарь закрыл перед ним дверь, уверенный, что никто из людей, знающих или слышавших о нем, не рискнет ему перечить.

Они разместились на диванах напротив мерцающего экрана телевизора. Секретарь, молодая девица приятной наружности, поставила на стол небольшой электрический самовар с уже кипящей водой и налила чай для Магомеда.

– Спасибо, дочка, – сказал он и, сделав маленький глоток, сразу откусил кусочек белого колотого сахара.

– Я могу идти? – спросила девушка, стоя перед ними и не зная, куда деть руки. Она сделала все, о чем ее тщательно проинструктировал молодой, но уже такой важный начальник, и ей хотелось быть ему максимально полезной. Она работала секретарем управляющего уже год и жила ожиданием, когда этот молодой «олигарх» оценит ее достоинства.

– Налей ему еще «Макаллана», – ответил Магомед, хотя понимал, что спрашивают не его.

Девушка благодарно улыбнулась ему, почувствовав в нем союзника, который, возможно, поможет растопить ледяной холод, веявший от Чекаря. Шурша юбками, она отправилась выполнять поручение, не дожидаясь одобрения этой идеи с виски от того, кто будет его пить.

– Как тебя зовут? – спросил ее Чекарь, вспомнив, что все это время разговаривал с ней, даже не задав такой простой вопрос.

– Алена, можно Лена, – радостно прошептала она, возвращаясь назад с наполовину наполненным стаканом.

Жестом он указал Лене, чтобы она поставила стакан на стол и вернулась к своему компьютеру в приемной.

– Только что звонил Кольцов, – сказал он, как только дверь за ней закрылась. – Говорит, кто-то пробует начать консолидацию рыночного пакета.

– Грешит на мою родню?

– Не без этого.

– Ну, он чекист, пусть узнает кто. Если кто из моих близких, сам знаешь – это ничего не меняет. Я хотел просто тебя увидеть. Скучаю, – Магомед замолчал.

Чекарь понял, что деловой части не будет. Он хотел было сказать, что можно было ему просто позвонить и он прилетел бы в Махачкалу сам, но потом решил, что это прозвучит глупо, и промолчал.

– Ты что пьешь? «Макаллан»? – спрашивая, Магомед неуклюже повернулся в сторону столика, где стояли бутылки с алкоголем. – А есть кизлярский коньяк?

– Здесь нет, но думаю, в любой палатке есть, – ответил Рома.

– Да нет, давай какой есть. Подожди, – он остановил уже вставшего Чекаря. – Позови эту секретаршу свою, пусть она наливает.

Они выпили вместе, чокнувшись и пожелав друг другу здоровья.

– Тебя на этом заводе ранили? – спросил Магомед.

Поняв, что того потянуло на воспоминания, Чекарь, прежде чем ответить, отправил Лену в столовую к повару сказать, что ужинать они будут здесь.

– На этом, – ответил он. – Мы его вторым забирали, сразу после Ленинского комбината. У меня человек двести пятьдесят спортсменов было, все с палками, я даже арматуру запретил брать, не хотелось трупов, а эти отморозились и давай палить. Ну, Бог им судья. Все равно всех вынесли за забор.

Выпили еще по одной, и разговор окончательно свернул на рассказы и воспоминания. Видно, Магомед и вправду скучал по старым временам. Разошлись за полночь, после съеденного плова дышалось тяжело, особенно старику.

– Чего Лену с собой не заберешь? На улице мороз, согреешь девку! – сказал он, стоя в приемной и ожидая, когда Аслан поможет ему надеть теплую куртку. Лена вспыхнула и опять не знала, куда деть свои руки. Рома посмотрел на нее и, подойдя, сказал ей что-то на ухо и потрепал по щеке. Они вышли на мороз, и, садясь в машину, Магомед все же не выдержал и спросил:

– Что ты ей сказал? Едет она с тобой?

– Сказал, что не люблю морочить голову молодым девчонкам, пусть найдет себе ровесника, а мне проще со стриптизершами. Давай, дядя Магомед, прилечу к тебе на Новый год, если пригласишь! Удачно долететь!

Чекарь знал, что тот не любит ночевать вне дома, и если можно уехать, он ни за что не проведет ночь под чужой крышей. Дождавшись, пока кортеж скроется за заводскими воротами, он махнул рукой своему водителю, сделав знак подать машину поближе к дверям административного корпуса. Через пару минут, кутаясь в недорогую короткую шубку, появилась Лена. Он открыл ей заднюю дверь и, сев рядом, велел шоферу ехать в свой особняк на берегу Камы.

* * *

В рождественские праздники муниципалитет швейцарской столицы, впрочем, как и большинство городских муниципалитетов Западной Европы, не скупился на елочные украшения. Дорогие отели вдоль набережной Женевского озера постарались украсить свои фасады с отменным шиком. Время застыло в этом городе на века, и даже фонтан, поднимающий тонны воды на необычайную высоту, казалось, подчеркивал иллюзорность человеческого бытия.

Наталья Сергеевна Кольцова в наброшенном поверх ночной рубашки с тонкими бретельками, открывавшими ее по-прежнему худые плечи, халате отошла от окна и, загасив изящную

коричневую сигарету, налила еще кофе в небольшую белую чашку почти прозрачного китайского фарфора. Шел девятый час утра, и под слоями облаков город казался еще в утренних сумерках. Она имела обыкновение раз или два в месяц оставаться на выходные в отеле «Риц». Это вошло у нее в привычку после того, как ее отец окончательно рассорился с ее мужем и тот, в свою очередь, отказал Сергею Николаевичу Кольцову от дома. С тех пор отставной генерал, прилетая в Швейцарию, вынужден был останавливаться в отелях. Муж Натальи Сергеевны, служивший в офисе ООН в Женеве в ранге советника первого класса, откровенно говоря, невзлюбил своего тестя еще с той первой встречи, когда он, стройный молодой красавец, приехал со своим отцом к ним в гости на дачу под Салтыковкой. Его отец, карьерный дипломат, успевший к тому времени потрудиться послом в одной беспокойной, колеблющейся от левого режима к правому африканской стране, вот уже несколько лет безвылазно прозябал в мидовском кабинете на Смоленской площади. Формально должность была более высокой, однако имела гораздо меньший вес в табели о рангах по гамбургскому счету.

Судя по всему, на родине его папа на чем-то залетел, не сумев правильно вписаться в новые реалии. А как иначе Вилен – такое замечательное имя (сокращенное от Владимир Ильич Ленин) носил такой же замечательный юный дипломат, отдающий весь свой потенциал на ниве международных отношений, – мог внятно объяснить самому себе, что за узы связывают его отца, утонченного, владеющего шестью языками, включая суахили, потомственного обитателя пятикомнатной квартиры на Сивцеве Вражке, с каким-то гэбистским начальничком, одевающимся скорее по бандитской моде, чем так, как подобает служителю закона? В тот день Вилен хотя и неохотно, но согласился на уговоры отца поехать в гости к этому «делавару», как про себя он сразу окрестил своего будущего тестя. Дело было в том, что Вилену светила скорая длительная командировка, и, хотя к этому времени порядки в плане семейного положения были уже не так строги, как во времена СССР, жена с хорошей родословной прибавляла шансов.

Девушка не произвела на него никакого впечатления. Худая, плоская, со все еще прыщеватым лбом, она могла быть и поживее, и поулыбчивее. Круги под глазами и зеленоватость кожи объяснялись напряженной учебой и тяжело прошедшей зимней сессией, от которой Наташенька так и не смогла до конца оправиться, несмотря на все усилия папы с мамой. Об аборте на почти третьем месяце беременности было как-то неловко говорить. Существуют семейные тайны, хранящиеся строже государственных.

Теперь, после шестнадцати лет, их брак, изначально исключавший эмоциональную составляющую подобных союзов, приносил обоим его участникам заслуженные дивиденды. Вилен, почувствовавший свою гомосексуальность еще задолго до их знакомства, искусно пользовался предоставляемой ему свободой и, будучи весьма опытным конспиратором, как ему казалось, успешно избегал ненужной огласки своих талантов. Наталья Сергеевна, в свою очередь, была благодарна ему за отсутствие интереса к ней как к сексуальному объекту. Только один человек на Земле мог бы разбудить в ней желание, полностью исчезнувшее после прерванной беременности. Окончательный разлад между ее отцом и мужем был ей скорее на руку, давая возможность остаться наедине с собой и избавляя от мелких бытовых забот. Если ее пребывание в столице совпадало с хорошей оперой в женевском театре, она всегда просила мужа достать ей пару билетов и с одной из своих подруг, также из числа жен дипломатов, отправлялась на спектакль. В последние годы, правда, из-за ремонта основного здания постановки шли в на скорую руку построенном ангаре, скорее напоминающем деревенский балаган с дощатыми лестницами, но что поделать – как говорится, искусство требует жертв.

Поднеся к губам уже почти остывший кофе, она сделала пару небольших глотков и потянулась за еще одной сигаретой. Решив заказать завтрак в номер, чтобы лишней раз не одеваться, Наталья Сергеевна вновь вернулась к окну и долго смотрела на озеро, на фонтан, на дорогие магазины с яркими электрическими гирляндами, мерцавшими в утренних сумерках

на другом берегу. Все было как обычно в такие выходные. «Bon dimanche»³, как говорят французы. Отец должен был позвонить перед вылетом. Официально будучи в отставке, он все же не изменял своим привычкам и перемещался по свету только на частных самолетах, принадлежащих Северному холдингу. Прилетая на три-четыре дня, проводил воскресный вечер с единственной и нежно любимой дочерью и посвящал будние дни общению с персональным куратором из швейцарского банка, дабы разобраться в запутанных расчетах по номерным счетам, которые он и его соратники понаоткрывали в тучные нулевые.

В дверь вежливо постучали, и, запахнув поплотнее халат, она впустила официанта в белом колпаке, толкающего перед собой столик с тарелками, накрытыми блестящими, напоминающими средневековые шлемы, полусферическими крышками. Он ловко раскрыл откидывающиеся боковые поверхности стола, сделав его идеально круглым, расправил скатерть с лежащими на ней завернутыми в белую накрахмаленную салфетку серебряными приборами и продолжал топтаться на одном месте, стараясь не таращиться на молодую еще женщину в negligé.

– Voilà votre pourboire⁴, – она, не глядя, протянула ему десятиевровую ассигнацию.

– Merci, madame⁵, – мужчина взял десятку и как бы нечаянно прикоснулся к ее пальцам.

Теперь их взгляды встретились, и молодой наглец почувствовал подступившую к горлу внезапную тошноту страха быть немедленно уволенным за свой маленький эксперимент. Он, потеряв свою несколько двусмысленную улыбку, суетливо заспешил покинуть поле так позорно проигранного сражения. «Sorcière! Witch!»⁶ – шептал он, с остервенением ударяя кулаком по ладони, быстрым шагом возвращаясь на кухню гостиничного ресторана. Наталья Сергеевна за годы, проведенные в обществе высокопоставленных мидовских чиновников, переняла их умение одним взглядом уничтожить самообладание простолюдина.

Позавтракав, она еще около часа повалялась в кровати, щелкая пультом с одного канала на другой. Несмотря на события последних дней и проблемы, возникшие у Вилены, она была на удивление спокойна. Не желая признаться себе самой, по большому счету она ждала чего-то подобного рано или поздно. Выкурив еще пару сигарет, она побросала в спортивную сумку кроссовки, шорты и майку. Сделала пару телефонных звонков, договорившись с подругами пообедать в старом городе, и, одевшись в стиле кэжуал шик, спустилась в лобби. Обменявшись приветствиями с высоким седым мужчиной в униформе за стойкой ресепшена, она вышла на улицу, где услужливый негр-швейцар, заискивающе улыбаясь, распахнул перед Наташей дверку поданного из гаража «Порше-Карреры». Негритенок когда-то учился в СССР, в институте Патриса Лумумбы, и довольно сносно, правда, без падежей, болтал по-русски.

Маленький «Порше» был идеальной машиной не столько для узких улиц европейских городов, сколько для горных альпийских дорог; его расположенный сзади мотор позволял проходить самые крутые повороты, практически не снижая скорости. Сергей Николаевич, прилетая в Швейцарию, часто забирал его у дочери, которая все будние дни проводила в представительстве ООН, где женам дипломатов находили синекуры под видом заботы о культурном наследии, о потеплении, о похолодании, о переедании и о голодании. Всем находился уютный кабинетик, не всегда, конечно, с живописным видом из окна. Это зависло от статуса супруга. «Status quo» – но это уже латынь.

Сегодня встреча с отцом была для Наташи очень важна. Она исподволь хотела настроиться на нее и прийти к ней в лучшей форме. Припарковав «Карреру» возле модного фит-

³ Хорошего воскресенья (*франц.*).

⁴ Вот ваши чаевые (*франц.*).

⁵ Спасибо, мадам (*франц.*).

⁶ Колдунья! (*франц.*). Ведьма! (*англ.*).

нес-клуба, Наталья Сергеевна прошла в раздевалку, быстро переоделась и два с половиной часа честно отработала на беговой дорожке и тренажерах.

Обед с подругами начался с обычных в таких случаях поцелуев с легким, почти незаметным касанием щек и радостными возгласами, как будто они не виделись по меньшей мере несколько лет. Все шло как всегда, и никаких инсинуаций и даже тени намека, что ее Вилен вляпался в историю, она не наблюдала. Разговор крутился вокруг сплетен о назначении нового второго секретаря в посольстве, и каждая из подруг старалась сделать тонкое замечание, демонстрирующее ее осведомленность. Наташе только показалось, что Юленька – жена атташе по культуре в русском посольстве, доносившая все своему мужу, – разглядывает ее с каким-то необычным интересом.

– Ой! Я, кажется, забыла закрыть машину! – сказала Наташа и стала перебирать вещи в сумочке, изображая поиск ключа, стараясь избавиться от ощущения, что ее изучают.

– Не стоит волноваться, в твой шарабан тут никто не полезет, а штраф за парковку тебе один черт на стекло прицепят! – произнесла вторая подруга, Анна Павловна Фирсова, самая старшая из них троих. Благодаря мужу она руководила очень-очень влиятельным благотворительным фондом, спонсоров которого принято было называть шепотом, и при этом обязательно тыкая пальцами куда-то в небо. Она любила крепкие выражения, считая их частью своего фрондирования, которое даже у не самых искушенных вызывало лишь снисходительную улыбку понимания.

– Анна Павловна! Вам легко так говорить! Вам кивнуть стоит – вся полиция будет построена! – произнесла Наташа тоном маленькой девочки, ибо даже грубую лесть можно выгодно преподнести пожилым дамам, если актерское мастерство тебе не чуждо. Теперь она нуждалась в нем еще сильнее, а еще больше в самообладании. Трюк с ключами, по-видимому, удался, так как Анна Павловна заказала стопку коньяку – событие редкое и, безусловно, указывающее на хорошее расположение духа, а Юленька, как и все выскочки из провинции не обладавшая даром мгновенно находить нужные слова в общении с небожителями, позавидовав такому успеху, начала суетливо расхваливать «Патек Филипп», надетые по новому обычаю на правое запястье современной матроны. Вообще-то хвалить часы за триста тысяч евро было скорее моветоном, но Анна Павловна – женщина строгих правил и потомок родовитых коммунистов – была тщеславна и нередко забывала быть осторожной. Она с энтузиазмом начала показывать Юленьке, каким образом положение луны в нижней части циферблата коррелируется с числом и месяцем, на которые указывали замысловатые стрелки этого чуда швейцарского рукоделья.

– Лунные циклы очень важны для понимания нашего настроения и самочувствия, – сказала она, обращаясь сразу к обеим. – Календари столько раз менялись, да и исчисление, которое мы ведем, по правде говоря, не может быть точным. В Вавилоне считали до шестидесяти, и эта традиция сохранилась в часах и во французском языке. Я сейчас все планирую по луне, эти часики стали мне просто незаменимыми.

Воспользовавшись внезапной тягой подруг к механическим девайсам, Наташа попросила счет. Сделав вид, что получила какое-то важное сообщение, она, оставив свою долю с учетом щедрых чаевых в кэше, расцеловалась с обеими женщинами и пулей выскочила из ресторана.

– Не понравилась мне она сегодня. Если Вилен ей рассказал о своих метаниях и сомнениях, она может побежать к своему папаше, а тот непрост, ох непрост, – промолвила Анна Павловна и, нацепив на нос очки, взялась внимательно проверять счет.

– Мой Виктор все предусмотрел. Он знает то, чего не знаем мы, – сказав это, Юля полезла в сумочку за кредиткой.

– Дай лучше наличными, я сама картой заплачу, – сказала Анна Павловна.

Руководительница благотворительного фонда была известна своей страстью обналичивать деньги при любом удобном случае. Несмотря на излишества вчерашней ночи, настроение у нее было отличным. Очередной благотворительный вечер прошел безукоризненно, и не

меньше трети от собранных средств должно было вернуться на счета связанных с ней лиц и организаций. Страсть к стяжательству была ее слабостью. Глядя вслед поспешно покинувшей их Кольцовой, она невольно, правда не без доли злорадства, посочувствовала ей.

Как женщина, прожившая свою молодость весьма бурно и без оглядки на буржуазную мораль, о чем свидетельствовали ветвистые рога ее супруга, Анна Павловна не понимала, почему бы Кольцовой не завести себе любовника, а лучше двух, если муж – гей. Если бы ей сказали о наивных надеждах Кольцовой, что ее семейные тайны неизвестны всем входящим в мидовскую тусовку русской колонии, то она просто потеряла бы дар речи. Пытаться скрыть какие-то подробности повседневной жизни, когда все так или иначе пересекаются по службе или в компаниях, наверное, просто невозможно. Искусство состояло в том, чтобы заставить нужных тебе людей молчать, а рассчитывать только на их дискретность было неразумно. Поэтому Анна Павловна всегда тщательно изучала личность того, кем она хотела воспользоваться, и только потом, зная, что удержит оно от излишней трепотни, предпринимала шаги для сближения. Она была по-своему умна и расчетлива и знала, когда надо выходить из игры. Как ни грустно было признаваться самой себе, что время ее любовных историй кануло в Лету, она умела смотреть в глаза правде. Постепенно жажда обладания материальными ценностями, которые она научилась собирать с ловкостью опытного коллектора, стала доминирующим стимулом ее существования.

– Мне кажется, дело на мази, – задумчиво сказала она, обращаясь к молодой девушке, в третий раз уже пересчитывающей наличные. У той что-то не получалось со счетом, и горсть разнокалиберных монеток, состоящая из евро и швейцарских франков, перекладывалась из одной стопки в другую. Задача была не из простых. Юленька явно волновалась, понимая, что наличные заберет Анна Павловна, а ведь надо было еще как-то оставить le pourboire, но сделать это она хотела уже после того, как три новенькие сотенные исчезнут в сумочке милосердной благотворительницы.

– Дай я посчитаю! – сказала Анна Павловна, решительно подвинув наличные к себе, и, особо не заморачиваясь со счетом, отправила их в утробу своего портмоне. Сунув подошедшему гарсону кредитку, она заказала еще два «Мартеля» – двойной себе и обычную порцию надувшей губки от такой бесцеремонности Юленьке. – Передай Виктору, у меня все готово, человека, о котором он просил, я нашла. Он прикроет и все сделает в лучшем виде. При самом худшем раскладе все сойдется на Вилене Аристове, – резко сменив тему и наконец перейдя к главному, что волновало ее все это время, продолжила матрона.

– Ой, я так волнуюсь! Так переживаю! Мой Виктор сам не свой. Говорит, мы просто теряем время, закроется, говорит, окно возможностей! – оживленно затараторила Юленька, через слово то всплескивая руками, то поправляя свою челку.

– Я изучила список, – сказала Анна Павловна, не обращая внимания на причитания. – Существование этих шедевров вероятно, но нигде и никем не подтверждено. Перед тем как мы окончательно ударим с твоим благоверным по рукам, я хочу получить хотя бы несколько картин в свое распоряжение. Мои резоны я объясню Виктору лично, – она хотела добавить что-то типа «ты все равно не поймешь», но сдержалась в последний момент.

– Ой, не знаю, не знаю. Витя повторял много раз, что без доверия лучше не начинать, – поспешно ответила Юленька, явно не зная, как себя вести, и все время поправляя непослушную челку.

– Милая моя девочка, передай ему: мы или партнеры – или нет. Это я вкладываю свои деньги в порошок, я организую всю логистику и прикрытие. А Виктор прекрасно осведомлен и понимает, что вы ни при каких случайностях не попадете впросак. Надеюсь, у него нет сомнений, что я имею полное право лично убедиться в подлинности того, из-за чего готова рисковать, а небольшой залог просто усилит мою уверенность. Вот и все, так просто и без обид, – добавила Анна Павловна.

Гарсон подошел с подносом и поставил на стол две рюмки с «Мартеlem» – одну, побольше, перед старшей дамой, и вторую, поменьше, перед весьма милой и в меру кокетливой девушкой, сидевшей почему-то с надутыми губками и растерянным выражением симпатичного личика. Он явно не собирался уходить и, притворно улыбаясь, ждал щедрых воскресных чаевых. Но дамам было не до него. За внешней неопытностью и кротостью Юленьки скрывался упрямый и изворотливый характер человека, постоянно борющегося за место под солнцем. Ее мысли были сейчас далеко от того, кто заплатит за коньяк. Пауза нелепо затягивалась, и Анна Павловна отослала гарсона принести какие-нибудь пирожные. Чувство неприятной тревоги овладело ею. Допив коньяк, она взглянула на собеседницу. Та явно не собиралась отвечать на последнюю ее фразу и отстраненно смотрела куда-то вдаль. «Ну что же, Витенька, если ты решил поиграть со мной в прятки и выступаешь буфером свою молоденькую женушку, давай попробуем», – сказала сама себе Анна Павловна. Не подавая виду и несмотря на размолвку и недосказанность, она все-таки предложила Юленьке подвезти ее до дома, благо обе жили почти по соседству. Сидя на заднем сиденье светло-голубого «Мульсана», они почти не разговаривали. Водитель, нанятый из местных, с зарплатой, вдвое превышающей зарплату инженера в России, был молчалив, знал маршруты наизусть и поэтому никогда не задавал лишних вопросов.

– Юленька, я тебя очень прошу, передай Виктору, я жду его звоночка сегодня, – сделала последнюю попытку примирения Анна Павловна.

Сказанное в ответ «хорошего вечера» прозвучало почти как издевка. Можно было бы не обращать на все это внимания и похоронить тему с неизвестными шедеврами на бескрайнем кладбище «тем» и «темок», постоянно возникающих и умирающих внутри околоделовых сообществ, но только не эту. Последние годы, несмотря на постоянный круговорот событий вокруг ее благотворительного фонда, стареющая матрона чувствовала какую-то сосущую ее душу неудовлетворенность. Отношения с мужем были скучными до зевоты, и у каждого уже давно была своя спальня. Большинство из постоянных и щедрых доноров фонда были ее ровесниками, а часто даже старше, чем она. При этом широта современных взглядов не мешала им предаваться утонченному разврату сродни тому, что погубил римских патрициев. Если благотворительные вечера ее фонда были строго закрытыми и ни одному из папарацци ни разу не удалось сфотографировать даже туфли высаживающихся из авто гостей, то о том, что могло происходить на аффтерах, знал уже совсем узкий круг. Иногда она позволяла уговорить себя остаться и, не переходя своих красных линий, наблюдала за происходящим. Поводом для проявления такой благосклонности были либо значительные пожертвования, сделанные в официальной части вечера, либо присутствие персон очень аристократических кровей, которым она не в силах была отказать.

Семейная чета Вуколовых – Юлии и Виктора – занимала бы скромное место в табели о рангах среди русских в Женеве, если бы не родственные связи молодого атташе по культуре в высших политических кругах новой России. Как часто бывает у внебрачных отпрысков влиятельных политических персон, его комплексы наслаивались один на другой; за вымученной ролью приветливого и толерантного к чужим недостаткам интеллектуала скрывались причудливые формы невротического эгоизма. При этом его нельзя было назвать интриганом или просто плохим человеком. Служба его интересовала только постольку, поскольку позволяла путешествовать с дипломатическим паспортом, а Родина оплачивала все расходы, включая чаевые в заморских отелях. Ему всегда нравились женщины, но здесь с этим было туго; при огромном количестве вариантов всевозможных перверсий связь с красивой молодой особой женского пола была проблемой. Не особо печалась, Вуколов научился довольствоваться законной женой, и высвобожденная часть сублимированной энергии увлекла его на путь авантюриста на уровне обменов редких шедевров, благо вопрос финансирования решался для него достаточно просто.

Когда в первый раз Виктор заговорил с Анной Павловной о каких-то утраченных во время транспортировки из Испании сюда, в нейтральную страну, шедеврах Гойи, Веласкеса, Рембрандта и, главное, картин самого Пикассо, который и был инициатором отправки этих шедевров из Мадрида, она с трудом удержалась от ироничной ремарки в его адрес. Официально Анна Павловна была отнюдь не богата. Ее муж Василий Федорович попал на дипломатическую службу, если можно так выразиться, по «недоразумению». Пройдя все ступени партийного аппарата, он еще довольно молодым человеком занял уютный кабинет на Старой площади, а с приходом Ельцина сделал и вовсе головокружительную карьеру, но в нулевые перепутал берега – где-то что-то не то сказал, одним словом, «спалился», и так как формально обвинить его было не в чем, он отправился укреплять состав российской миссии при штаб-квартире ООН в Женеве. Получалось, что годовой доход ее вместе с мужем в налоговой декларации, с маниакальной скрупулезностью требуемой одними чиновниками от других, не мог превышать ста тысяч евро.

– Сжальтесь над старухой, – воскликнула она вполголоса, манерно всплеснув руками, поняв, к чему клонится разговор, неожиданно заведенный с ней Вуколовым. – Побойтесь Бога! Мне послезавтра надо вносить аренду за офис дискуссионного клуба при известной вам благотворительной организации, и поверьте, голубчик, на слово: на счету нет ни копейки! А вы мне предлагаете мировые шедевры, да еще и нелегально. Кстати, а почему мне? – добавила она почти мгновенно, видя, что ее «плач Ярославны» не произвел никакой реакции.

– Анна Павловна, вы абсолютно точно подметили нелегальность, и я позволю себе более точно выразиться: незаконность существования этих произведений искусства. Но они существуют, и это неоспоримый факт, – поспешно ответил Виктор, стоя к ней вполоборота и придерживая бокал с шампанским совсем рядом со своими тонкими, похожими на две красные резинки и все время кривящимися во время разговора губами. – Вы знаете, как Пикассо любил рисовать Арлекинов? Самый интересный, по крайней мере по моему мнению, это тот с зеркалом, написанный в тридцать втором. Но были еще. Так вот, среди тех картин, о которых мы с вами сейчас говорим, есть еще один, и я видел его своими глазами, – продолжил он, пристально глядя ей в лицо.

– Это все прекрасно, но ты не ответил на мой вопрос, – заметила она в ответ и, взяв с подноса у проходящего мимо официанта бокал «Вдовы Клико», сделала добрый глоток, оставив на ободке следы пастельно-розовой помады. Прием проходил в представительстве британской миссии, и не следовало зевать с выпивкой и закуской; ссылаясь на протестантские каноны своей культуры, англосаксы всегда старались экономить.

– Мы переходим на «ты»? – сказал он как-то удивленно.

– Друг мой, ты подходишь к пожилой даме, предлагаешь ей какую-то уголовщину и предлагаешь, что после каждого пассажа она будет приседать в реверансе?

– Ну, мне будет как-то неудобно.

– Неудобно спать на потолке, – воспользовавшись паузой, она жестом подозвала официанта и, поменяв бокалы, попросила принести ей какие-нибудь закуски. – Так почему ты обратился ко мне? – уже более настойчиво произнесла она.

– Мне нужен cut out⁷, – как ни в чем не бывало произнес он.

– Господь с тобой! Я похожа на Мату Хари?! – Анна Павловна постаралась максимально изобразить удивление. Однако какой-то неприятный холодок, пробежавший по спине и застрявший где-то в районе малого таза, подсказал ей, насколько опасен для нее этот человек, знающий больше, чем она хотела. И самое неприятное, что не надо было далеко ходить, чтобы понять, чьи уши торчат во всей этой истории. Его ответ немедленно подтвердил самые худшие опасения.

⁷ Связной, на котором прерывается цепочка в случае непредвиденных осложнений (англ.).

– Анна Павловна, дорогая, прошу покорно меня извинить, что мое воспитание не позволяет вам тыкать, но мне доподлинно известно о вечеринках, которые иногда проходят после ваших замечательных благотворительных вечеров. Они называются у вас аффтерами? На английский манер, не так ли? – сказал он, стараясь придать своему голосу дружелюбно-ироничную интонацию, как будто разговаривал с ребенком.

– Виктор, мне непонятны твои инсинуации, в этом городе греха ночная жизнь следует своим законам, и они мне, увы, неподвластны. Боюсь, ты сильно ошибаешься, и если ты сейчас же не извинишься, наш разговор можно считать законченным! – сказав это, она показала всем видом, что уходит немедленно. Попавшись на эту удочку, он сделал шаг, преграждая ей путь, не желая ее ухода. Первый раунд был за ней.

– За что же мне извиняться, если мне доподлинно известно от моей собственной жены, как вы ее уговаривали остаться и поехать в замок на французскую сторону к этим старым извращенцам барону и баронессе де ****?

– Ах, да ты ревнивец, мой юный друг? – сказала она насмешливо, и все ее самообладание вернулось к ней при виде того, как ее оппонент теряет свой апломб и самоуверенность. «Эта маленькая дрянь меня так пошло сдала! И это после того, как весь вечер она таскалась за мной и ныла, как ей скучно, потому, что муж улетел один в Москву, и как она хочет остаться до конца! И я, простушка, поверила этой чепухе. Или они работают в паре и это было запланировано?» – мысли вихрем пронеслись у нее в голове.

– Не будем ссориться! – примирительно сказал он, справедливо засчитав второй раунд в свою пользу. Вольно или невольно, но Анна Павловна призналась в попытке свозить Юленьку к свингерам.

– Полотна могут стоить миллионы долларов, и в их существовании у меня нет ни малейшего сомнения, повторяю, я сам видел Арлекина и несколько работ Веласкеса и Рембрандта. К несчастью, условия сделки весьма необычны, и мои покровители не станут в ней участвовать. Ставки в политической игре на нашей с вами Родине все время повышаются, и, как вы знаете, ни один из них еще не сбросил карты.

– Ты не боишься своими аферами подмешать им на последней раздаче не ту масть, которую они ждут?

– Боюсь, поэтому и пришел к вам. Мне необходим cut out, и вы поможете мне его найти. И мне нужно будет финансирование.

– У меня нет денег, – эту фразу она произносила так часто, что даже не старалась, чтобы в нее верили.

– Мы пойдем в равных долях, и я гарантирую вам не менее тысячи процентов прибыли.

– О какой сумме идет речь?

– Первоначально около трех – пяти миллионов, я думаю. Ваш взнос ровно половина.

– В чем сложность сделки и откуда такие проценты?

– Картины отдают только взамен на порошок, в этом-то и есть вся проблема. Расчет идет по цене рынка, и я считал...

– Какой порошок? Не вздумай меня втягивать в это дело, – вскрикнула она, повысив голос, и проходящая в этот момент рядом с ними супружеская пара венгров, вздрогнув от неожиданности, посмотрела в их сторону.

– Прекрати орать! – он прошипел ей почти на ухо. К Виктору вернулась вся его обычная наглость, так помогавшая ему делать дела в кругу людей, привыкших к церемониям и доброжелательным улыбкам консьержей и челяди всех мастей. Он незаметно твердо держал ее за локоть и, стараясь сохранить улыбку на лице, продолжал зло нашептывать ей на ухо: – Слушай меня внимательно: я раздавлю тебя как букашку, и каждый пенни, украденный тобой из твоего расчудесного фонда, обернется тебе и твоему мужу-простофиле Василию Федоровичу такими неприятностями, что вам с ним и не снилось. Завтра в восемь вечера мы с Юленькой пригла-

шаем тебя к нам на чай. Здесь мы не можем больше говорить, мы и так привлекли лишнее внимание, – продолжил он, отпустив ее руку и вежливо раскланиваясь с подошедшими к ним японцами, неведомо как затесавшимися на прием.

* * *

Тогда, несколькими месяцами ранее, Анна Павловна была вынуждена принять приглашение Виктора Вуколова. Теперь она жалела об этом; да, его угрозы по поводу ее фонда не могли не иметь под собой серьезных оснований. В последнее время она стала слишком беспечна, и в ее близкий круг стало попадать все больше случайных людей.

На следующий день после злополучного приема в английской миссии они встретились в его служебной квартире. Вуколов вел себя высокомерно и даже допускал язвительные интонации. Особенную досаду у нее вызывало, что вечно пресмыкающаяся перед ней Юленька на самом деле собрала на ее фонд немало компромата. Присутствуя на каждой официальной части, она, без сомнения, могла идентифицировать большинство гостей.

Незыблемым правилом Анны Павловны было не приглашать никого во второй раз, в случае если в первый же вечер не были сделаны существенные пожертвования. Миловидная Юленька, почти на автомате строящая из себя дурочку, стала исключением. И только какой-то ангел-хранитель, незримо оберегавший Анну Павловну, не дал ей уступить просьбам смазливой девицы и раскрыть той тайную подноготную устраиваемых «членами клуба» аффертов. Как ни загоняла она глубоко в подсознание мысль о том, что причиной ее ошибок может быть банальное либидо, разбуженное к молодой девочке, эта правда только делала ее досаду более горькой. Как будто давая понять, что все это ей давно известно, Юленька уселась напротив Анны Павловны на табуретку в кружевном неглиже, открывающем ее упругие ляжки, обхваченные на ягодицах розовыми трусиками, и принялась есть персик, капая соком себе на подставленную ладонь.

– Итак, как я говорил вам вчера, мне нужен человек с дипломатическими полномочиями для безопасной транспортировки кокаина, – начал Вуколов, стараясь своей суровостью контрастировать с ребячливостью Юленьки.

– Где же я тебе его возьму? – произнесла это, Анна Павловна театрально развела руками. – Уж не Василия Федоровича ли ты приготовил на эту замечательную роль?

– Не надо театральных жестов, и потрудитесь не перебивать меня, а то я забуду, что говорил, и начну с начала, – сказал он резким, почти раздраженным голосом, в то время как принимаясь за следующий персик Юленька, что-то сладко мурлыкая себе под нос, поглядывала на нее с нескрываемым ехидством. – Есть такой Вилен Аристов, он гомосексуалист, – продолжил он.

– Правда?! – воскликнула Анна Павловна. Она не могла удержаться и, всплеснув руками, запричитала, разыгрывая из себя невинность: – Господь с тобой, неужели это может быть такое?

– Прекратите валять дурака, – почти закричал он и ударил ладонью по столу так, что брызги из лужицы накапавшего с рук Юленьки сока разлетелись в разные стороны.

– Если ты хочешь делового разговора, то сначала убери из-за стола свою мартышку, – сказала Фирсова с ледяным спокойствием, собрав последние силы. Ее по-настоящему начало тошнить от вида пушистого тапочка, который Юленька, сидя перед ней нога на ногу, раскачивала на кончиках пальцев.

– Малыш, дай взрослым дяде и тете поговорить, – просюсюкал Вуколов.

– Я буду в джакузи, не опоздай, – произнесла та капризным тоном и, не попрощавшись со своей старшей подругой, назвавшей ее мартышкой, вышла из кухни.

В общих чертах его план для получения порошка, требуемого в обмен на шедевры, был прост и гнусен – и поэтому реален. Если она сможет подобрать из участников оргий нужного человека и устроит его знакомство с Виленом Аристовым, выбранным ими на заклатие, то сделка или пройдет успешно и принесет им миллионы, или «папенькин выкормыш», как назвал Вилен Вуколов, ответит за свои прегрешения единолично. «Нужным человеком», по его мнению, мог стать один из активных бисексуалов, которых притаскивали с собой на закрытые афферы богачи и аристократы, влекомые своими извращенными фантазиями. Не будь Вилен мужем Наташи Кольцовой, с которой Анна Павловна водила близкую дружбу, она бы нашла способ откупиться и не принимать участия в афере, навязанной ей так бесцеремонно. В конце концов, нет ничего дешевле денег. Они, деньги, ее, конечно, интересовали, но рисковать ради них своей головой и репутацией она была не готова. Шедевры – это прекрасно, но она как-то справлялась без них раньше, и какие бы языки адского пламени ни подогревали ее тщеславие, прожить без обладания одним из Арлекинов Пикассо было возможно. Другое дело Наташа Кольцова. Та была богата, красива той изящной красотой, которую не встретишь на обложках журналов, и при этом легко ускользала от пороков окружавшего ее мира. Видеть ее падение, знать, что она растоптана и унижена, – ради этого можно было рискнуть. В конце концов, как бы Вуколов ни рисовал себе безрисковые операции такого масштаба, он все равно оказывался рядом с Анной Павловной, что позволяло ей рассчитывать на заступничество со стороны его влиятельной и всепроникающей родни.

* * *

Водитель «Мульсана» вопросительно посмотрел в зеркало заднего вида и, встретившись глазами с хозяйкой, очевидно, расстроенной холодным прощанием с только что выпорхнувшей из салона Юленькой, одними глазами задал вопрос о дальнейшем маршруте. До вечера было еще далеко, и, посмотрев на часы, Анна Павловна решила не откладывать в дальний ящик единственную возможность как-то восстановить равновесие в отношениях с втянувшим ее в эту сделку Вуколовым.

– Prenais la route à Besançon⁸, – проговорила она отрывисто.

– On va aller à France?⁹ – поездка до Безансона должна была занять около трех часов, и водитель не скрывал своего недовольства, что воскресный вечер он проведет в дороге.

– Si, bien exactement, je vais dire à toi la direction plus précisément un peu plus tard¹⁰, – она дала понять, что разговор окончен, и, нажав кнопку, подняла стекло, отделяющее ее от водителя. Откинувшись на заднем сиденье, Анна Павловна нашла в мессенджере нужный ей номер.

Абонент значился под именем «Феликс», и она написала ему сообщение с просьбой о немедленной встрече. Она уточнила, что едет в его сторону и будет в Безансоне максимум через два с половиной часа.

Феликс Варгас Кондори был тем самым человеком, которого она нашла для Вуколова, уступив его требованиям и побоявшись обещанного им скандала. Это была, безусловно, наиболее подходящая личность для исполнения одной из ключевых ролей в реализации теперь уже их общего довольно хитроумного плана. При обычных обстоятельствах вероятность того, что он заинтересует Анну Павловну, равнялась нулю. Но для задуманного Вуколовым нужен был привлекательный бисексуал, и она его нашла на одной из последних вечеринки. Со слов Феликса, он был в Европе уже около полугода и имел боливийский паспорт. Его бисексуаль-

⁸ Поехали в Безансон (*франц.*).

⁹ Мы едем во Францию? (*франц.*).

¹⁰ Безусловно. Я дам вам более точный адрес чуть позднее (*франц.*).

ность открывала ему двери в самые изысканные слои света и полусвета Европы. Эти контакты, изначально порочные в своей основе, позволяли обсуждать любые, самые закрытые и недопустимые в традиционном обществе темы. Единственным важным для себя табу он сделал наркотики. На свингерских вечеринках, в обществе обнаженных графинь и герцогинь вместе с их мужьями, открыто предающимся содомии в перерывах между двумя добрыми дорожками девственно-белого порошка, он вежливо, но твердо отказывался от приобщения, а если кто-то начинал расхваливать своего дилера, то крупный, с хорошо прокачанным торсом, покрытым татуировками, красавец изображал испуг и нежелание ни о чем подобном даже слышать. Это работало. Он прослыл хотя и милым, но простоватым парнем, готовым понравиться всем на свете просто и невзначай.

Однажды питавшая к Феликсу нежные чувства, граничащие с обожанием, немолодая пара потомков французских аристократов взяла его с собой в качестве главного украшения на один благотворительный вечер, проходивший в абсолютно закрытой обстановке и, как потом выяснилось, собравший не менее миллиона евро. Анна Павловна была приветлива с бароном и баронессой де**** и, стараясь им угодить, обменялась с их спутником парой ничего не значащих фраз. Боливийца, конечно же, взяли на вторую, наиболее интересную часть благотворительного вечера, которая оказалась еще более закрытой, и, возможно, именно она обуславливала щедрые взносы приглашенных на нее доноров. Анна Павловна хотя и не принимала в ней непосредственного участия, но наблюдала с интересом и даже делала остроумные комментарии, а главное, она оценила неоспоримые достоинства ее нового знакомого. Когда высокомерная до надменности русская матрона незаметно сунула ему в руку карточку с телефоном и двумя словами на английском – «call me»¹¹, – он, стараясь не ранить нежные души потомков французской знати, незаметно спрятал записку в чулках, снятых с барона и брошенных вместе с кружевным поясом на пол. Ничего более подходящего он не придумал, так как сам в этот момент был абсолютно гол. Выдержав вежливую трехдневную паузу, он позвонил Анне Павловне. Когда она, храня строгую интонацию, достаточно вежливо пригласила его на обед в субботу, пообещав познакомить с интересными людьми, его уверенность в том, что она ищет с ним тех же отношений, что и остальные, только укрепились.

– I will be glad to see you, my dear sir¹², – закончила она кокетливо, поразив его так и не искорененным за годы заграничных командировок славянским акцентом.

В тот уикенд Феликс, чрезвычайно довольный приглашением на небольшой семейный вечер, не рассчитал свой тайминг и, приехав много раньше, еще около часа вынужден был прогуливаться по окрестностям, боясь показаться невежливым и докучливым. И все равно он пришел первым. Анна Павловна, познакомив его на скорую руку со своим мужем, занялась улаживанием последних деталей предстоящего ужина. Атмосфера, царившая в доме, сразу поразила его диссонансом с предшествующими оргиями. Василию Федоровичу было почти семьдесят, он был одет в строгий костюм и галстук и беседовал с ним с добродушным выражением лица без тени намека, что какие-либо тайные страсти могут гнездиться в его голове. Первые же слова, сказанные после принятых приветствий и жалоб на погоду, заставили Феликса почувствовать легкую тревогу, неприятную, как писк приближающегося душной ночью москита.

– Felix, you have such a typical surname for Bolivia! You were born there, weren't you? Tell me, how is it to live in a country where average height is less than 1.5?¹³ – сказал Василий Федорович, стараясь придать своему не совсем вежливому вопросу оттенок лести.

¹¹ Позвони мне (англ.).

¹² Я буду рада вас видеть, мой дорогой сэръ (англ.).

¹³ Феликс, у вас типичная фамилия для боливийца! Вы родились там? Расскажите мне, как это – жить в стране, где средний рост составляет менее 150 см? (англ.).

– You know, my parents had to escape from Chile and look for refuge in Bolivia when military came to power back in 1973. My uncle, maternal uncle was only twenty and he went missing. I believe he was tortured to death like other in the Santiago stadium. I was born in Sucre, but my parents were afraid they'll chase me and gave me another surname. That's it¹⁴, – ответил Феликс, надеясь, что история про дядю придаст ответу больше достоверности.

– That's the case?! So your parents took part in these events? Believe me, I am exited to see you here, in my house. I know Luis Corvalan personally. I met him several times in Moscow, we discussed some philosophical issues from Marxism-Leninism point of view. By the way he never knew languages except his mother tongue and I had to learn Spanish! It is your native language too, isn't it?¹⁵ – продолжал задавать нескромные вопросы Василий Федорович.

Настойчивость, с которой старая партийная лиса пыталась нащупать брешь в его легенде, отнюдь не испугала Феликса.

– Entonces hablemos en Español, en esa parte de Europa hay poca jente que lo sabe¹⁶, – Кондори легко перешел на испанский.

– That was years ago! To say the truth, I've forgotten all the words¹⁷, – старый дипломат поспешил перебить говорившего. – So your parents supported Salvador Allende?¹⁸

– Moreover, my mother knew him personally and I feel proud of it!¹⁹ – у Феликса была отличная память, и он никогда не боялся запутаться, раз за разом повторяя заученные подробности. Он смело отправился в путешествие по своим воспоминаниям о рассказах родителей про подробности военного переворота.

Гостиная Анны Павловны стала постепенно наполняться²⁰. Список приглашенных на этот скромный субботний ужин она продумывала не один вечер. Для осуществления их с Вуколовым плана ей следовало свести так удачно найденного Феликса Кондори с ничего не подозревающим Виленом Аристовым, мужем этой заносчивой гордячки Кольцовой. Все задуманное прошло даже лучше, чем она могла себе представить. Вилен вцепился в нового знакомого, почти позабыв приличия, и если бы не правильно подобранный состав участников вечеринки, пересуды о его поведении наверняка расползлись бы повсюду, как кляксы расплзаются на промокашке. На правах подруги Анне Павловне удалось завладеть вниманием чуть было не потерявшей самообладание Натальи Сергеевны и, заняв ту пересказами последних сплетен, дать возможность «мальчикам» остаться наедине.

Проведя следующие несколько недель в обычных хлопотах бизнесвумен, она не переставала все это время внимательно наблюдать за новой парой. Наконец, дождавшись удобного момента, Анна Павловна довела до сведения Феликса Кондори, что не все так просто и от него потребуются определенные услуги. Готовая выслушать возражения, ожидая отказа или истерики, она даже неприятно удивилась, как легко Феликс согласился. Светская львица даже не заметила, как неожиданно поменялись роли, и ее страх перед этим человеком становился с каждым днем все сильнее. До последнего времени ей удавалось объяснять это себе самой

¹⁴ Знаете, мои родители были вынуждены бежать из Чили и искать убежище в Боливии, когда в 1973-м военные пришли к власти. Моему дяде по материнской линии было тогда двадцать лет, и он исчез. Я уверен, его пытали вместе с остальными на стадионе в Сантьяго. Я родился в Сукре, но мои родители так боялись преследования, что вынуждены были сменить фамилию. Вот так (*англ.*).

¹⁵ Вот оно что! Значит, ваши родители принимали участие в этих событиях? Поверьте мне, я счастлив видеть вас здесь, в моем доме. Я лично знал Луиса Корвалана. Я встречался с ним несколько раз в Москве, мы обсуждали некоторые философские вопросы марксизма-ленинизма. Кстати, он не знал иностранных языков, и я вынужден был выучить испанский! Ведь это же ваш родной язык? (*англ.*).

¹⁶ Тогда мы можем говорить на испанском, хотя в этой части Европы мало людей говорит на нем (*исп.*).

¹⁷ Это было так давно! Говоря по правде, я забыл все слова (*англ.*).

¹⁸ Так ваши родители поддерживали Сальвадора Альенде? (*англ.*).

¹⁹ Более того, моя мать лично его знала, и я этим горжусь (*англ.*).

²⁰ Фраза из «Войны и мира» Л.Н. Толстого.

просто расшатавшимися нервами. Но нервы были тут ни при чем, и это вызывало особую тревогу. На одном из последних аффертов Анна Павловна попробовала разговорить баронессу и барона де ^{****} и узнать, откуда взялась их связь с потомком коммунистов, бежавших из Чили. Те не дали ей ни одной зацепки, а уже под утро, когда она собиралась уезжать, Феликс неожиданно, подойдя сзади, обхватил ее шею одной рукой, да так, что ей показалось, что она сейчас задохнется.

– Don't ask so many questions²¹, – прошипел он ей в самое ухо.

Она замерла, не смея шевельнуться, пока он не ослабил хватку. Повернувшись к нему, Анна Павловна едва сдержала готовый вырваться из груди крик: Кондори стоял перед ней совсем голый, раскинув в стороны руки как бы для объятий, и, непристойно улыбаясь, смотрел ей прямо в глаза. На следующий день он сам позвонил и извинился. Однако чувство тревоги с тех пор только росло. И вот после всех ее усилий она оказалась одна против троих: упрямой дурочки, находящегося вне зоны доступа Вуколова и Феликса Кондори, ждавшего новостей от нее в Безансоне. Она призналась себе, что одинаково боится как отменить сделку, так и следовать дальше, не имея гарантий. Достав из сумки пудреницу, взглянув на себя в миниатюрное зеркальце и поправив воскресный макияж, Анна Павловна с горечью подумала, что эти нелепые воспоминания только прибавляют ей морщин, и, разозлившись на это сборище проходимцев, как она мысленно именовала своих новых друзей, наконец, успокоилась, решив, что в самом худшем случае все проблемы разрешит незаменимый в таких случаях Василий Федорович. Оставшуюся часть дороги она смотрела в окно и с неожиданной теплотой думала, какой подарок подарить мужу на Новый год.

* * *

Выехав с платной многоярусной парковки, больше похожей на огромный шкаф, плотно прижатый к склону горы, и получив сдачу от уплаченных евро в швейцарских франках, Наталья Сергеевна направилась напрямик в сторону аэропорта. Было уже около четырех, она знала привычку отца звонить ей, когда самолет уже на подлете, и поэтому решила не возвращаться в отель, а походить по торговому центру «Балекзерт» на авеню Луи-Касаи, что в пяти минутах от француско-швейцарского хаба. Ее мысли неумолимо возвращались к Вилену. Формально на карантине по случаю банального гриппа, он на самом деле уже девятый день не мог выйти из лютого запоя. Были опустошены сначала все запасы коллекционных тридцатилетних виски, а после он принялся за ящик с коньяком, приготовленный для отправки в тихие кабинеты на Смоленской площади. О цене даже одной бутылки лучше было не вспоминать. Ныне их шато в уютном и выгодном регионе *Tierre Santé* на склоне *Cransprès-Céligny* стал территорией грязной посуды, остатков еды и недопитых бутылок. Недвижимость, формально арендуемая семьей дипломатов у швейцарской компании, на самом деле, и слава богу, через сеть офшоров принадлежала ее отцу и представляла собой милый домик площадью четыреста пятьдесят метров с четырьмя спальнями, гостиной и видом на озеро и Альпы.

Ожидая его звонка, Наташа не спеша прогуливалась между украшенными к Рождеству витринами бутиков и старалась не вспоминать о навалившихся проблемах, но это у нее плохо получалось. С Виленом явно творилось что-то экстраординарное. Обычно спокойный, с вечно снисходительной ухмылкой, сейчас он стал полной своей противоположностью.

Все началось с того чванного, «только для близких друзей» воскресного обеда у Анны Павловны. Этот странный боливиец, неприятно кичившийся своим накачанным торсом, был представлен им обоим как сын сподвижников Сальвадора Альенде, знавших его лично и чуть

²¹ Не задавай столько вопросов (англ.).

ли не вместе с ним защищавших президентский дворец во время ночного штурма. Он свободно говорил по-английски, но, когда Наташа перешла на его родной язык, Кондори сделал две или три ошибки, которые мог заметить только родившийся и выросший в Южной Америке человек. Она не была создана для игры в покер и, будь боливиец не так увлечен Виленом, он смог бы заметить удивление, промелькнувшее на ее лице. Впрочем, почувствовав флюиды зарождающейся похоти, источаемые ее мужем, она нашла предлог и вместе с Анной Павловной переместилась к другой компании, оживленно обсуждавшей последние европейские сплетни. Это было ошибкой, и она корила себя за это. Первой ласточкой раздиравшего Вилену кризиса стал инцидент, когда он в истерике, размахивая своими худыми, никогда не знавшими физического труда руками, проорал ей, что не хочет больше видеть ее отца, – прекрасно зная, кому на самом деле принадлежал этот дом и на какие средства они на самом деле могли себе позволить жить на широкую ногу. Тогда она не догадалась связать это с его новым знакомым. Когда же Вилен окончательно сломался и, ползая у нее в ногах, рыдая, просил помощи, рассказав, в какую ловушку его заманил этот неизвестно откуда взявшийся на самом деле Феликс Кондори, было уже поздно. «Высокомерные снобы!» – подумала о своем муже и всей его семье Наталья Сергеевна, примеряя темные очки, и саркастическая ухмылка на ее красивом лице отразилась в зеркале бутика.

Много лет назад, сразу после того как она закончила второй курс, они с отцом полетели на Байкал половить омуля и присмотреть пару-тройку гектаров земли для «дальней дачи», как в шутку называл Сергей Николаевич свой новый проект. Ее молодой супруг в то время мотался с Рублевки на Арбат по два раза в день, собирая документы для заграничных командировок, и с радостью отпустил свою жену с тестем, наказав тому обязательно привезти достаточное количество шкурок баргузинского соболя, пообещав в таком случае пошить его дочери шубу по лекалам дома Фенди в закрытом мидовском ателье. Вилен в ту пору всегда в разговоре с генералом называл Наташу не иначе как «ваша дочь», видимо, хоть так стараясь удерживать дистанцию в этом, по его искреннему убеждению, мезальянсе. Тогда-то, на Байкале, Наташа наконец и узнала, как отец познакомился с ее свекром. И по поведенному ей в минуту откровенности Кольцовым выходило, что мезальянс если и имел место, то совсем в другую сторону, а если дорисовать недостающие в его рассказе фрагменты – в конце концов, не все можно рассказать своей дочке, – то дело было так...

В начале второй половины девяностых весь дипломатический корпус новой России хранил свои деньги и производил расчеты через банк «Национальный». Отец Вилену, как и все твердые марксисты-ленинцы, хотя и ненавидел Америку, империализм и все их хваленые общечеловеческие ценности, все же предпочитал хранить свои трудовые сбережения в твердой валюте, которой тогда, как, впрочем, и сейчас, был зеленый «бакинский» с хитрыми президентами на одной стороне и масонскими знаками на другой. Впрочем, его сбережения были малы, зато влияние на членов совета директоров и правление банка «Национальный», напротив, было огромно.

После должности посла в молодой африканской республике он был разочарован назначением в финансовое управление МИДа и поначалу даже предполагал устроить демарш тогдашнему министру и подать в отставку. Неожиданно умные люди открыли ему глаза на истинное положение дел в «датском королевстве», как они между собой называли банк «Национальный». И сразу дела пошли хорошо, жизнь стала налаживаться. Появились радужные перспективы. Следующие полтора года он жил как в сказке. К несчастью, как в таких случаях нередко происходит, все рухнуло в одночасье. «Национальный» банк прекратил выплаты по счетам, и дело медленно, но верно пошло к банкротству, а за ним к позору и бесчестию. Отец Вилену было запил, но и тут умные люди растолковали недотепе: чтение русских классиков не приносит ничего, кроме сумбура в голове вкупе с томлением духа, а устаревшие моральные принципы, которыми руководствуется большинство персонажей одной беллетристики, не имеют ничего

общего с действительностью. Оказалось, банкротство дало такие возможности по извлечению доходов, какие нельзя было представить даже в восточном эпосе про антилопу, дефектирующую золотыми монетами. Схема была проста и зиждилась на принятом в те времена постулате, что доказательством уплаты налога является платежное поручение с отметкой банка. Небольшая цепочка начиналась с одного банка, в котором открывался счет и заводились финансы, необходимые для уплаты налога, далее деньги шли в другие банки, где обналичивались их владельцами и схематозниками в заранее обусловленных пропорциях.

Секрет фокуса был в корреспондентских счетах, которыми эти банки заранее обменивались с банком «Национальный», – ведь к этому времени на его собственных счетах уже царил такой же вакуум, как и в большей части нашей вселенной. В итоге Казначейство получало дырку от бублика и платежные поручения с отметкой банка. В схему были вовлечены не только мелкие коммерсанты со своими блошиными малыми предприятиями, но и совсем недавно приватизированные огромные промышленные конгломераты. Однако всему приходит конец. Казначейство, заваленное платежными поручениями с напечатанными на них миллиардами, забило тревогу. Начались проверки. Новоиспеченного негодника вызвали в кабинет к министру, где его пояснения вежливо, но весьма скептически выслушали двое незнакомых и не представившихся ему мужчин.

Вечером того же дня ему позвонили со Старой площади и спросили, удобно ли ему будет завтра в пятнадцать часов заехать в Администрацию – уточнить пару вопросов. Как ни странно, но он не связал одно событие с другим. Откровенно говоря, отец Виленя просто не понимал масштабов казнокрадства, расцветшего с его молчаливого согласия. Умные люди, в свое время купившие на корню его доверие, не были бы такими умными, если бы отдавали ему больше, чем требовалось для удержания его в узде. Именно поэтому карьерный дипломат шел на Старую площадь в приподнятом настроении, уверенный в скором новом назначении, возможно, даже со значительным повышением.

Получив пропуск, он поднялся на шестой этаж здания брежневской постройки, почти незаметного, если смотреть со стороны Политехнического музея. Встретивший его мужчина лет пятидесяти представился Вадимом Вениаминовичем Жомовым, полковником в отставке, консультантом Контрольного управления Администрации. Прием на таком низком уровне сразу испортил радужный настрой визитера. Полноватый типичной неспортивной дряблостью партийного функционера эпохи застоя, в толстых очках, делавших его взгляд похожим на взгляд декоративной рыбки телескопа, рассматривающей вас из зеленоватой мути аквариума, Вадим Вениаминович был приветлив и многословен, расспрашивал о работе и семье, явно стараясь произвести впечатление своего парня. Так и не назвав определенно цели их встречи, он продолжал пытаться поддержать беседу, пока его «моторола», которую он не выпускал из рук, не начала бесшумно вибрировать. Вытащив тоненький прутик черной антенны и откинув крышку микрофона, он, как-то пригибая голову вниз, без приветствия, торопливо то ли проговорил, то ли прошептал: «Да, да, сейчас спускаемся».

– Давайте выйдем на улицу! – обратился он к обескураженному дипломату. – Там с вами еще хотят люди переговорить, давайте я пропуск отмечу.

Выйдя на Ильинку, они прошли метров пятьдесят в сторону Кремля, когда черный «Брабус», грозно урча мотором, как ни в чем не бывало пересек встречную и, наехав передним колесом на тротуар, резко остановился, перегораживая путь отцу Виленя, шагавшему справа от отставного полковника. Тот распахнул заднюю дверь внедорожника и уже резким тоном предложил присесть в машину. К еще большему удивлению забравшегося не без труда на заднее сиденье и вконец растерявшего свой обычный апломб международного дипломата, Жомов захлопнул за ним дверь, совсем уже невежливо промямливая что-то вроде «счастливо оставаться», – и, развернувшись по-военному, на каблуках, рысцой потрусил обратно, под защиту незыблемых стен Администрации.

Первым побуждением Алексея Владимировича было немедленно выйти вон из пропахшего дорогим парфюмом и табаком затюнингованного «гелика», но форсированный движок последнего выдал все свои шестьсот лошадей, и его просто вдавило в жесткую спинку заднего сиденья. Пролетев пару сотен метров, они так же резко и неожиданно затормозили возле Гостиного двора. Обернувшийся к нему с переднего пассажирского сиденья человек с лицом, которое по системе Ломброзо можно было безошибочно отнести к склонному к насилию в самых разнообразных формах, произнес медленно, процеживая слова между рядами золотых зубов:

– Ты, значит, банком управляешь?

– Каким банком? Кто вы такие? – пролепетал он, стараясь не заикаться и не выдать панический страх, внезапно пронзивший его и не позволяющий даже сделать попытки открыть дверь и выбраться из злополучной машины. Сидевший за рулем молодой верзила, вполборота повернувшись назад, внезапным точным движением отвесил ему оплеуху и, посмотрев в бессмысленные от боли и унижения глаза очередной жертвы, ударил его еще пару раз, сначала так же открытой ладонью, а потом сжатым кулаком точно в нос, из которого немедленно потекли коричневые сопли.

– Салон испачкаешь, химчистка с тебя, козлина, – покопавшись в бардачке, водила вытащил оттуда тряпку, которой протирал салон, и сунул ее сидящему сзади и в полубессознательном состоянии размазывающему по лицу кровь Алексею Владимировичу.

– Ладно, слушай сюда! – процедил золотозубый, короткими затяжками быстро докуривавший сигарету. Он держал ее между большим и указательным пальцами по старой привычке прикрывать папиросы от магаданских ветров. Его кулак казался синим от перстней и зловещего черепа, искусно вытатуированных лагерным кольчи́ком. – Ты поднял хорошие бабосы, только жрать в одну харю – это запахло. Отдашь на общак десять лямов зелени, это наша доля, и не спорь, мы в курсах по теме и все цифры знаем. Тебе даем сутки, принесешь единицу, остальные до Пасхи собери. Отдашь вовремя – никаких штрафов, и тогда встретишься с нашими старшими, они скажут, как дальше жить будешь, – сказал он.

– Уяснил? – молодой, сидевший за рулем, говорил нарочито громко и угрожающе. После его вопроса Алексей Владимирович невольно прикрыл голову руками. Парень дал ему щелбан по лбу совсем не сильно и потрепал его по затылку. – Не горюй, денег еще заработаешь, мы тебе крышу дадим и с такими людьми познакомим! Соседи уважать будут, – нес он обычную блатную музыку, кроме которой, в общем-то, ничего больше и не знал.

– Поехали на Арбат, – мужчина на пассажирском кресле открыл окно, выбросил окуроч на тротуар. – Завезем этого домой и заедем там еще к одному коммерсуге.

Не спрашивая адреса, они, болтая о бытовых делах, подрулили к современной постройке дому на Сивцевом Вражке. Прикрывая лицо грязной тряпкой, Алексей Владимирович прошмыгнул в подъезд, дабы не встретить никого из соседей, – брюки его костюма были заляпаны коричневыми пятнами крови, – и бегом поднялся по лестнице на третий этаж. Ничего не сказав испуганной его появлением жене, он как был, в дубленке, не снимая обувь, прошел в ванную, где долго полоскал рот, пытаясь удалить медно-железный привкус крови. Ситуация была тупиковая, он чувствовал себя между Сциллой и Харибдой и никак не мог сосредоточиться, в голове почему-то все время вертелось, как молодой парень говорил своему подельнику, что сегодня Татьянин день и ему надо обязательно заехать к сестре и подарить цветы.

Гротескность происходящего и охватившая вдруг паника окончательно вывели его из строя. Обращаться было не кому, дружбу он ни с кем не водил, опасаясь неформальных отношений и разговоров, могущих повредить карьере. Связь между преступным миром и контрольными органами была очевидной, но недоказуемой. Его собственная роль в банковских хищениях повисла над ним дамочловым мечом, отсекающим всякую надежду на помощь по официальным каналам.

Выйдя из ванной, он сказал жене, что упал и разбил лицо. Закрывшись в домашнем кабинете, Алексей Владимирович позвонил умному человеку и начал без предисловий рассказывать о случившемся, упирая на неведомые миллионы и надеясь услышать такое же возмущение и обещание быстрой и эффективной помощи и даже жестокой мести зарвавшимся оборванцам. Он подумывал упомянуть неведомую сестру по имени Татьяна, воодушевившись собственной версией подачи происшедшего и воображая карающее возмездие, неизбежно наступающее всех участников драмы. Однако чем дольше он говорил, постепенно распаяясь и распаяясь, тем больше его начинало беспокоить глухое молчание на другом конце провода. Под конец он замолчал и как-то сник, не решаясь продолжить разговор даже простым вопросом, слышат ли его. Повисшая пауза длилась почти минуту. Вздувшиеся вены на висках и холодный пот, серебристыми бисеринками покрывший лоб говорившего, безошибочно указывали тому на реальное положение дел.

– Ты во что вляпался, Алексей? – голос умного человека доносился из трубки, сопровождаемый каким-то эхом, словно тот находился в подземелье.

Снисходительная манера разговаривать, и раньше бесившая выдавшего виды дипломата, сейчас была последней каплей, переполнившей чашу невзгод, выпавших на него всего за один только день. Обхватив голову руками, он рыдал навзрыд, раскачиваясь вперед-назад.

Вот тогда и вернулся в его жизнь Сергей Николаевич Кольцов. Неудавшийся финансист от дипломатии вспомнил о нем уже за полночь, когда, измученный бессонницей и подозрительными взглядами жены, он в очередной раз доставал из горки, стоявшей в гостиной, бутылку коньяка, наливал себе пятьдесят грамм, потом, глубоко и задумчиво вздохнув, выливал янтарную жидкость обратно и, не попадая трясущимися руками точно в горлышко бутылки, оставлял желтоватые пятна на белой скатерти. Большие старинные напольные часы величественно пробили половину третьего утра. Отчаявшись забыться сном, чертыхнувшись про себя в адрес своей благоверной, он решительно налил стопку и, выпив одним махом, пожевал дольку лимона, аккуратно отделив корку от заветрившейся и ставшей суховатой мякоти. Поморщившись не от коньяка, а от кислоты заморского фрукта, и чувствуя успокаивающую теплоту, растекающуюся по телу, немедленно налил еще, немного не рассчитав и перелив через край, и махнул вторую, далеко назад запрокидывая голову. Алексей Владимирович пил очень редко – делая карьеру дипломата, следует быть крайне осторожным. Бахус не был божеством, которому он поклонялся. Даже на официальных торжествах он только держал бокал с шампанским или вином в руке, время от времени поднося его к губам, растянутым в официально приветливой улыбке. Сейчас вторая рюмка успокоила его. Сев в кресло, он стал смотреть в окно на безлюдные в этот час арбатские переулки. Снег, падавший уже почти сутки, забелил черные полосы проезжей части, и свет уличных фонарей, отражаясь от него и от медленно падавших снежинок, сделал обычно скучный вид похожим на декорации Большого театра к мизансцене дуэли Онегина с Ленским. Он даже не удивился тому, как причудливо работает человеческий мозг и одна ассоциация, как триггер, открывает путь к другой, такой нужной и одновременно такой забытой, проход к которой до поры был наглухо закрыт для линейного сознания. Сердце Алексея Владимировича екнуло и забилось чаще. Но он уже знал, что шанс на спасение, тонким лучиком света мелькнувший из-за туч среди бушующего урагана, все-таки есть.

Много лет назад, в самом начале трехмесячных сборов для принятия присяги после пяти лет на военной кафедре, Алексей Владимирович, тогда просто Леха, как и все курсанты, в кирзовых сапогах и портянках с запекшейся кровью, регулярно сочащейся из мозолей, кое-как ковылял в строю, выкрикивая слова песни о солдате, собирающемся вернуться через два года при условии ожидания его девчонкой, плакать которой не рекомендовалось. Других вариантов развития событий песня не предполагала, и единственным утешением Лехи было только то, что он не солдат, а курсант, и ждать его надо не два года, а всего-то три месяца. Однако сокращение срока, даже такое значительное, мало что меняло, учитывая непростые обстоятельства

непростых людей. Девушка, на которую Леха положил глаз, была весьма привлекательна собой, но проблема коренилась совсем не в этом. Она была дочкой ответственного работника международного отдела ЦК КПСС, и помимо пары дюжин джинсов типа «Леви Страус» и прочих чуждых советской молодежи шмоток могла похвастаться бóльшим числом женихов, чем было у пресловутой Пенелопы за двадцать лет скитаний Одиссея. Сам молодой курсант тоже был не из крестьян. Его семья твердо удерживала позиции в партийной элите одной из пятнадцати социалистических республик, входивших в тогда еще казавшийся незыблемой твердыней СССР. И все же этого было недостаточно для настоящего успеха на таком уровне. Удача улыбнулась Лехе, когда будущий тесть, которого не на шутку расстраивала почти патологическая привычка дочери путать акцент *aigu* с акцентом *grave*, не говоря уже о *circonflexe* в письменном французском, узнал, что потенциальный жених без ошибок и хорошим слогом способен излагать свои мысли и чувства на этом языке. Тогда он, взвесив все за и против и справившись в кадрах о родословной претендента, благословил их взаимоотношения как «полезные». Как ни крути, а английский был не в счет, им владели все надеявшиеся попасть на работу в МИД. Переписка на языке Вольтера придавала неописуемый шарм его длящимся уже почти год отношениям, но в глубине души Леха понимал, что положение его зыбко, особенно сейчас, когда он в курсантской робе часами марширует на залитом солнцем плацу. Вчера он засунул в почтовый ящик уже пятое письмо, и его очень тревожило отсутствие какого бы то ни было ответа. Это не помешало ему заснуть сразу после того, как прозвучала команда «отбой» и покрытая раздражением от холодной воды и бритья тупым лезвием щека коснулась подушки. Он даже успел посмотреть короткий сон, в котором пробирался по крымским скалам, а его двоюродная сестра с каким-то парнем кричали ему что-то с лодки, и сестра держала в руке огромную камбалу. Он отчетливо слышал их возгласы «вставай, вставай!» – и правда скала, на которой он лежал, была скорее плоской, чем вертикальной, и не было смысла цепляться за нее пальцами, можно было просто встать. Встав и отряхнув прилипший к нему песок, он удивился, услышав опять тот же голос, на этот раз над самым ухом: «Вставай!»

Открыв глаза и непонимающим взглядом уставившись на дневального, тормозившего его за плечо, Леха понял, что спал. Ему велели одеться, и вслед за дневальным, прихрамывая на натертую ногу, он пошел через плац в штаб части. Они остановились возле двери с табличкой, на которой черными буквами было написано: «Особый отдел».

Первым ощущением будущего Полномочного посла в молодой африканской республике, после того как он врубился, куда его привели, было легкое головокружение и неприятная резь в области надпочечников, выделивших слоновьи порции кортизола. Леха сразу вспомнил, как месяц тому назад его товарищи из институтской общаги затащили его на какую-то сомнительную вечеринку, где почему-то возник довольно скользкий разговор на тему Солженицына, и он вместо того, чтобы открыто и четко выступить против «солжеца», как принято было в общении партийных аппаратчиков именовать Александра Исаевича, решил отмолчаться, не желая портить и без того натянутые отношения с сокурсниками. Не без труда справившись с заостренными мышцами спины, он вошел в небольшой чистый кабинет, ярко освещенный лампами дневного света. Сидевший за столом парень в капитанских погонах был не намного старше, чем он, ну может, лет на пять-шесть. Черные как смоль волосы были разделены ровным пробором и зачесаны на правую сторону. Не обращая внимания на вошедшего и представившегося по форме курсанта, капитан продолжал усердно протирать стекла очков, то поднося их к лицу, то отодвигая от себя необычно длинной рукой и глядя через стекло на свет прищуренным глазом. Наконец их чистота, по-видимому, удовлетворила особиста, и он, нацепив очки себе на нос, уставился на вошедшего.

– Шпионим, значит! – на столе появились все пять писем, отправленных Лехой и, очевидно, не дошедших до адресата. Все конверты были аккуратно вскрыты, и разлинованные

в клеточку тетрадные листы с французским текстом, основной смысл которого можно было описать тремя словами – «Je t'aime»²², – были вложены в них лишь наполовину.

– Это личные письма, я писал их своей невесте. – К Лехе неожиданно вернулось самообладание. Солженицын, очевидно, был тут ни при чем, и это в корне меняло ситуацию с тупым неграмотным выскочкой, решившим обращаться с ним, как с простым солдатским быдлом.

– А вот и задание от твоих хозяев, – продолжил капитан, положив на стол еще три письма, так же вскрытых. К удивлению Алексея, смотревшего на торчавшие из конвертов листки со знакомым почерком, одно из них было написано кириллицей.

– Вот, видно, только в конце вы осознали свою ошибку и, почувствовав провал всей вашей шпионской сети, стали по-русски писать. Ладно, шифровальщики уже работают над разборкой твоих донесений. – Капитан резко поднялся. Странная сутулость, сочетавшаяся с необычно длинными руками, делала его похожим на грифа, высматривающего добычу. Позвенев ключами, он вытащил из сейфа бутылку грузинского коньяка с синей этикеткой, поставил ее на приставной стол, дотянулся до подноса с графином с водой и как будто когтями зацепил два граненых стакана, чистота которых вызывала глубокие сомнения.

– Садись давай! – обратился он к курсанту.

Честно признаться, Алексей не знал, как дальше себя вести, сначала его охватил страх, потом возмущение бесцеремонностью и наглостью этого солдафона. И вот теперь по отношению к нему собираются применить такие примитивные приемчики. «Этот военный – он реально рассчитывает услышать от меня все сплетни? Разговорить меня каким-то дешевым пойлом?» – мысли скакали в голове, не давая возможности сосредоточиться и выбрать наиболее безопасную линию поведения. Капитан наполнил стаканы и пристально, почти в упор смотрел на сидевшего напротив. Леха понял: придется пить. Он отхлебнул половину от налитого. Хитрый капитан сделал глоток поменьше, но все же выпил, чем почти сразу успокоил далеко не глупого курсанта.

– Ну, поговорим начистоту! – капитан опять принялся протирать стекла очков, он заметно смущался. Закончив с очками и водрузив их на прежнее место, он все-таки решился и изложил ему свою довольно необычную просьбу. Оказывается, у него тоже была девушка. Она, конечно, не знала французского, но в глазах Сергея – так теперь капитан попросил называть его, когда они были тет-а-тет, – это делало ее еще привлекательнее. Короче, Сирано – так немедленно окрестил Алексей капитана, при этом ехидно подумав, как пикантно в их истории длинный нос заменился длинными руками, – был, по своему собственному мнению, слаб в эпистолярном жанре. Его пассия была молода, красива и жила в Риге, откуда он и сам был родом. Сердце ее, по словам Сирано, давно принадлежало ему, так же как и его – ей. Камнем преткновения оставался ее переезд в Первопрестольную, эту-то задачу и предстояло решить будущему дипломату, используя искусство соблазнения даже самых искушенных, которому, по мнению ээпа, должны были учить студентов МГИМО. Поначалу отнесшись к предложению скептически и даже подумав про себя, что сейчас он умрет со смеха, Алексей после настоятельно предложенной ему второй порции коньяка и видя, как капитан бухает с ним честно, начал думать по-другому. В конце концов, они были почти ровесники, и небольшое приключение не могло никому повредить.

– Ты напиши там красиво, какая Москва, театры, музеи, одно метро чего стоит! – капитан, опять позвенев ключами, вытащил из сейфа початую банку маринованных огурцов и полбатона финского сервелата.

– Ты в Москве живешь? – после лицемерия банки огурцов, извлекаемой из сейфа, Леха понял: пора переходить на «ты».

– Нет, в Монино, в служебной.

²² Я тебя люблю (франц.).

– А при чем тут тогда Москва?

– А что, Монино не Москва? – капитан разлил еще по одной и, жажнув по-гусарски, откусил краешек от толсто нарезанного и не очищенного от пленки сервелата, пожевал и, выплюнув аккуратно пленку на ладонь, бросил ее в стоящее под столом ведро.

Свободно владеющий необходимыми навыками для разделки правильными приборами лобстера-спайдера без последствий для смокинга, знающий все тонкости этикета Алексей впал в легкий ступор не только от географических открытий, происходящих у него на глазах, но и от общей атмосферы простоты и легкости в правилах ночной трапезы.

– А что, в служебке ты один?

– Да нет, там старлей еще.

– И?..

– Что «и»?

– Куда старлея денете?

– А думаешь, она приедет?

Мусоливший до этого ответа свой стакан Алексей сам долил его почти до ободка и, медленно запрокинув голову и жадно двигая кадыком, допил до конца.

– По рукам, Сирано! – он протянул руку недоверчиво смотрящему на него кэпу.

– Почему Сирано? Это по-французски, что ли?

– Точняк! Это, Сергей, по-французски! – «Меня начинает заносить», – подумал он про себя.

– Хорошо, – капитан с хрустом пожал протянутую ладонь. – Чего взамен просишь?

– Ничего, мои письма отдай.

– Забирай, это я пошутил так.

На следующее утро над чувствующим себя не выспавшимся и немного с похмелья курсантом раскрылся защитный зонтик невидимого ангела-хранителя.

Сначала сержант приказал ему отправиться в санчасть из-за хромоты. Медсестра, осмотрев его мозоль, категорически отказала ему в возможности вернуться в строй.

– Минимум неделя постельного режима! Может быть инфекция! – она озабоченно стала перебирать склянки в белой этажерке.

Мозоль заживала медленно, и Леха в тапочках и пижаме просиживал дни напролет, упражняясь в искусстве написания изящных фраз одновременно двум адресатам. За черновиками по вечерам после отбоя заходил сам капитан, стараясь хоть как-то сохранять ореол секретности своей миссии. В субботу они даже выпили спирт, как по волшебству появившийся на тумбочке вместе с незамысловатой закуской из шпрот и докторской колбасы. Медсестра, обычно всем недовольная, с заспанными маленькими глазками, едва прикрытыми коротенькими блеклыми ресницами, в этот вечер представляла собой полную противоположность, услужливо порхая с места на место, поднося то воду, то мензурку сосредоточенному на разведении спирта особисту. Когда она в очередной раз выскользнула на кухню, одиноличный обитатель стационара взглянул на детально вымеряющего пропорции капитана и, мотнув в сторону двери подбородком, спросил:

– У?..

– Угу! – ответил тот.

– А мне?

– Тебе нет. Только с офицерами!

– Мы же советские люди! Откуда такая кастовость?

– От верблюда. Все готово, давай подставляй стакан.

– А остудить?

– Так пойдет, не на приеме у английской королевы.

«Это точно», – про себя согласился Алексей.

Гром разразился на десятый день. Сирано, отчаянно размахивая своими длинными, как грабли, руками, ворвался под вечер в санчасть, не обращая внимания на задержавшегося там офицера медслужбы. Закрыв перед носом майора дверь, он протянул развалившемуся на койке Алексею телеграмму.

– На, читай!

– «Прибываю завтра тчк Вагон номер тчк Встречай тчк Рижский вокзал тчк».

«Ну, из Риги, на Рижский, логично», – подумал, вставая и запахивая пижаму, Леха.

– Что делать? Что делать? – в отчаянии рыдал капитан, прислонившись к дверному косяку.

– А я тебя предупреждал! – не сумев скрыть нотки злорадства, которые, впрочем, не были замечены, произнес мнимый больной. – Что старлей? Съедет?

Выяснилось, что никто никуда не съедет. Более того, у Сирано не было наличных, так как недавно ему пришлось покрыть недостачу в служебном фонде на агентуру, средства из которого он пробухал, встречая приехавшее начальство из штаба дивизии.

Движимый инстинктом мужской дружбы, иногда безошибочно подсказывающим, кто твой враг, а кто друг, на кого можно положиться, а кто просто льстиво-услужливый халявщик, Алексей – неожиданно даже для самого себя – проникся отчаянием своего нового товарища и, поняв, как тому помочь, не стал откладывать все это в долгий ящик. Они прошли на склад, где хранились гражданские вещи, и, покопавшись в своей сумке, Леха вытащил связку из двух английских ключей от съемной хаты на Вернадского и фиолетовую двадцатипятирублевку.

Оставшиеся два месяца до присяги Леха провел в Ленинской комнате, переставляя унылые томики классиков марксизма-ленинизма. Иногда он пробовал их читать и даже заучил несколько фраз, которые ему особенно понравились у Ленина.

После сборов, еще доучиваясь на последнем курсе, он как-то поддерживал отношения с капитаном Кольцовым, но после первой загранкомандировки их пути окончательно разошлись. Все, что у него осталось, был служебный номер Б-4 и обещание капитана помочь ему в любой беде, о котором тогда он немедленно забыл, так как по своей натуре был крайне осторожен и был стопроцентно уверен в своей способности не совершать роковых ошибок.

Пришло время собирать камни. Одевшись так, как он одевался на службу, и припудрив ссадину на лице, Алексей Владимирович вышел на улицу. Примерно понимая, люди какого уровня стояли за всем происходящим, он не рискнул пользоваться ни домашним, ни сотовым телефонами. К сожалению, старые добрые времена, когда можно было набрать номер, опустив в щелку медную монетку или никелевый десюнчик, давно прошли, и ему пришлось повозиться с карточкой, прежде чем что-то шелкнуло на другом конце линии и твердый мужской голос осведомился о цели звонившего, почему-то не сомневающегося в том, что в половине четвертого утра его безусловно соединят с человеком, услышав имя которого, дежурный невольно подбодрился и с большим уважением, чем в начале разговора, попросил обождать минутку.

– Леха! Ты рехнулся звонить в такую рань? – голос говорившего был скорее радостный, чем выражал досаду. – Который час там, в Москве, у вас?

«Он не в Москве!» – подумал, теряя последнюю надежду, дипломат. Не зная, что говорить, он просто молчал и, не чувствуя боли, прижимал телефон к припухшему уху. Наконец сквозь сдавленную трубкой мембрану до него донесся уже посерьезневший голос:

– О'кей, раз звонишь мне, значит, припекло. Далеко оперативная машина? – обращались явно не к нему, и Алексей Владимирович просто промолчал.

– Выхала на адрес таксофона сразу после звонка, как положено по протоколу, – голос незнакомого мужчины раздавался совсем близко и, видимо, принадлежал принимавшему звонки дежурному, – находится на подъезде, точное время тридцать пять секунд.

– Добро, действуйте по инструкции! – и, уже обращаясь к своему старому товарищу, Кольцов менее официальным тоном продолжил: – Сейчас подъедет машина, садись в нее

смело, они получают пояснения – обращаться с тобой, как с моим лучшим другом. Увидимся днем. Отбой.

Из трубки доносились короткие гудки, а он так и продолжал смотреть на нее, когда рядом остановилась неприметная легковушка и выскочивший из нее оперативник, открыв заднюю дверь, ловко усадил его на заднее сиденье и сам плюхнулся рядом, быстро, но вежливо. Видимо, указания были уже получены.

Ждать появления старого знакомого пришлось неожиданно долго после таким вихрем закрутившихся событий. Вечерело, и зимние сумерки уже начали опускаться на засыпанную снегом Москву. Ничего не евший почти сутки, кроме шоколадных конфет и печенья, насыпанных в вазочку на журнальном столике в квартире, куда его привезли еще затемно, Алексей Владимирович почувствовал сосущую боль в желудке – верный признак его хронического гастрита. Когда наконец приехавший Кольцов открыл дверь и, полный энергией, радостным возгласом поприветствовал сидящего в полумраке, тот даже не сразу отвел взгляд от телевизора, в экран которого он бессмысленно смотрел остекленевшим взглядом. Они не виделись четверть века, и если бывший капитан, теперь явно занимавший более влиятельную должность, почти не изменился внешне, разве что черты его лица стали еще более угловатыми и руки, казалось, выросли еще длиннее, то бывший курсант походил скорее на старца, жить которому осталось не больше месяца. Сергей, одним взглядом оценив ситуацию, отметил про себя ссадину под глазом и опухшее ухо молчаливо сидевшего в кресле и как будто парализованного Алексея. Сделав знак вошедшему вместе с ним мужчине не включать верхний свет, он снял пальто, бросил его на край кожаного дивана, стоявшего возле дальней стены, и не произнес ни слова, пока тот не закончил рутинную проверку помещения на наличие жучков.

– Надеюсь, это не от ревнивого мужа! – садясь в кресло напротив, он вытянул руку и, почти касаясь лица собеседника, потыкал пальцем, указывая на начавший наливаться желтизной с зеленоватым оттенком синяк.

Только после этих слов Алексей пришел в себя и начал рассказывать все перипетии своих злоключений, не особенно придерживаясь хронологии и по-своему трактуя причинно-следственные связи. В его профессионально деформированном сознании краеугольным камнем свалившихся на него несчастий был отзыв его с должности посла, где он, работая по шестнадцать часов в сутки, делал все для успеха левых. Все было очень запутанно и абсолютно непонятно, пока не прозвучало название банка.

– С этого момента поподробнее, если можно, – заскучавший было от сложных политических течений в обезьяньих племенах, как он про себя абсолютно неполиткорректно именовал борцов за независимость, Кольцов сразу подобрался и, достав блокнот из внутреннего кармана пиджака, начал делать необходимые, по его мнению, пометки. По зловещей иронии, этот банк давно беспокоил его службу. Платежки с НДС, эмитированные предприятиями абсолютно секретной оборонки, приходили в Казначейство с отметкой об исполнении в «Национальном».

Банк превратился в подобие черной дыры, куда сливались все обнуленные корсчета других банков, оголтело обналичивающих поступавшие им налоги. Как известно, чисел между нулем и единицей больше, чем между нулем и бесконечностью, ровно на эту самую единицу. Задолженность банка перед государством могла расти до любых размеров, а юридической единицей, отвечающей по долгам, оставался только он. Генерал Кольцов за время, прошедшее с их последней встречи, сделал неплохую карьеру и сейчас приближался к зениту своего могущества. Его интересовали не столько украденные налоги – этим и так было кому заниматься, – сколько выстроенные цепочки связей акционеров и менеджмента курируемых его службой предприятий с мутными дельцами, игравшими на их алчности какую-то свою замысловатую и опасную игру.

– Извини, Алексей, – перебил он своего собеседника, – я никак не пойму: если ты по-прежнему служишь в МИДе, то какое отношение лично ты имеешь к «Национальному»? Ну,

получали вы все зарплату через его счета, какие-то ваши деньги тоже там зависли, ну и что? Ты вообще представляешь масштабы происходящего? Ты получал там какие-то деньги? Я сейчас не говорю про твою официальную зарплату.

– Да, получал. – Врать было бессмысленно.

– Сколько? Ну если не секрет, конечно?

– Десять тысяч долларов в неделю.

– То есть за год этой вакханалии ты получил около двух лимонов?

– Да нет, если честно, меньше, я думаю, около миллиона. Прошлой зимой на меня через одного моего сокурсника вышли умные люди, попросили дать хорошие рекомендации банкам, я с ними, с ребятами из «Национального», контачил по линии финуправления, куда меня непонятно за что сослали...

– Подожди, подожди, – прервал его Кольцов, испугавшись долгого копания в причинах неожиданных превратностей карьеры своего товарища. – То есть ты познакомил кого-то с управляющим банка, и все? И за это тебе выдали миллион, а теперь просят обратно десять, я правильно понял?

Алексей Владимирович помедлил с ответом. Встав на затекшие от долгого сидения в одной позе ноги, он сделал несколько шагов взад-вперед по комнате, прикинул, как лучше теперь обращаться к Кольцову – на «ты» или на «вы», – и, выбрав нейтральный путь, спросил, есть ли какая-то выпивка в этой конторе.

– Извини, сейчас все будет как в лучших домах Ландона, – сделав намеренное ударение на предпоследнюю гласную букву и заменив «о» на «а», генерал встал, подошел к двери и, приоткрыв ее, попросил кого-то соорудить им чайку.

– Ты все абсолютно правильно понял, получил миллион, так – частями, мелкими подачками, а теперь наехали через самый верх, и что делать – я не знаю. Да, я организовал знакомство, убедил управляющего работать с этими проходимцами, намекнул на заинтересованность высших руководителей в санации банка. Ты думаешь, они пришли ко мне и сказали: «Мы будем проворачивать криминальные схемы»? Как бы не так! Все было благочинно! Красивые слова: дебиторы, кредиторы, акции, облигации! Чем закончится, я даже не мог себе вообразить! Ты-то мне веришь?

В дверь вежливо постучали, и после разрешения войти на пороге появился адъютант, так же, как и его шеф, в галстук и в костюме, несмотря на неформальную атмосферу конспиративной квартиры. Поставив аккуратный сервировочный столик с легкими закусками и бутылкой отменного коньяка в центре комнаты и получив молчаливое разрешение удалиться, вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь.

– Конечно, верю! Старина, ошибиться так легко, – сказал Кольцов, щедро разливая коньяк в хрустальные рюмки пантагрюэлевского масштаба. – Вот цвет, как у чая, а попробуешь на вкус – и раз! Не чай! Головоломка!

Алексей Владимирович сделал кислую мину и, даже не стараясь переубедить говорящего, просто взял рюмку со стола и одним махом залил содержимое себе в рот. После голодного дня приятное ощущение легкого опьянения наступило почти сразу, и, сев обратно в кресло, он пожалел, что не курит, ибо сделать сейчас пару затяжек, многозначительно выпуская колечки дыма, было бы очень кстати.

– Ну, можешь не верить. Скажи прямо, ты готов мне помочь или нет? – внезапная мысль о жене и жившем тогда еще с ними Вилене вернула его в то самое подавленно-отчаянное состояние, в котором он находился уже больше суток. – Моей семье опасно оставаться в России?

– Так, давай без ненужной аффектации. Я распорядился, и твоих взяли под охрану еще утром. Я не рассчитываю на решительные действия со стороны этих вымогателей, но лучше перестраховаться. Эти гоблины оставили связь с ними? – после недолгой паузы продолжил Кольцов.

– Нет. Сказали, позвонят сами на мобильный.

– Звонили?

– Не знаю, я трубку дома оставил, когда выходил тебе звонить. Жена волнуется небось.

– Все под контролем. Держи хвост пистолетом! – немного рисуясь своими возможностями, генерал разлил еще по сотке. – Значит, умный человек – это Григорий Леонидович Зельдин? А с Администрации кто тебя вызывал к себе?

– Жомов Вадим Вениаминович.

– А, этот старый лис! Представляешь, он запал на телку чувака, обратившегося к нему с просьбой отмазать того от какой-то прокурорской проверки, так твой Вадик его на восемь лет отправил варежки шить, а сам закрутил с ней роман. Сейчас мы этого доцента спросим обо всем поподробнее. Пришла пора с ним познакомиться поближе.

Кольцов вышел, и минут двадцать Алексей сидел один, неподвижно разглядывая яркие искорки света, отражающиеся от хрустальных граней рюмки, короткую ножку которой он беспрерывно покручивал между пальцами левой руки.

Вернулся он в отличном настроении и предложил поехать пожрать, как он выразился, в хороший кабак где-нибудь в центре. В ресторане они заказали еще бутылку коньяка, разных закусок и жареную осетрину. Разговор не клеился, Алексей чувствовал себя разбитым и усталым, единственным его желанием было упасть в теплую постель, желательно у себя дома, заснуть как можно скорее и не просыпаться так долго, как только это возможно. Поняв настроение своего давнего знакомого, которому он когда-то давно пообещал свою помощь, Кольцов не стал предаваться воспоминаниям и рассказам о том, как сложилась его семейная жизнь с Алисой, все-таки согласившейся поменять европейскую Ригу на полуазиатскую Москву. Отказавшись от десерта и почему-то не попросив счет, они вышли на кое-как расчищенную от снега улицу, и похожий на бегемота черный «шестисотый», угрожающе покрякивая сиреной, за пять минут доставил их до дома на Сивцевом Вражке.

Через некоторое время «мерседес» выскочил на Кутузовский и по выделенной для спецтранспорта полосе, не выключая встроенных под радиатор проблесковых маячков, погнал до МКАДа, где, свернув направо, затерялся среди фур и грузовиков, медленно ползущих в унылом потоке. Откинувшись на спинку заднего сиденья, Кольцов незаметно для самого себя улыбался блаженной улыбкой человека, проигрывавшего всю ночь в рулетку и вдруг одной отчаянной ставкой вернувшего все свое и даже получившего что-то сверху. Положение дел в «Национальном» давно вышло из-под контроля. Представители различных кланов, свивших гнезда на раскидистых ветвях Российского государства, все они имели какой-то интерес в этой схеме, привезенной Гришей Зельдиным из-за океана и, по сути дела, являвшейся калькой с бензиновой аферы, прокрученной на Брайтоне незадолго до этого. Там ушлые ребята из разных республик СССР присваивали налог на бензин, обналичивая его, и пытались кривыми схемами запутать налоговую службу США. Это длилось довольно долго и закончилось умеренными сроками для особо одаренных создателей экономических чудес. Но бензин – это не высокотехнологичная оборонка с ее секретами. Безобидное, на первый взгляд, поклонение золотому тельцу на самом деле грозило гораздо более существенными проблемами в долгосрочной перспективе. Передача информации, получаемой от акционеров и менеджеров, шла по каналам, недоступным для контроля со стороны его службы. Либеральные реформы, проводимые с остервенелым упорством, оставляли Кольцову возможность уличить шпиона только в случае, если бы тот нацарапал свое донесение на бересте и поместил оную в дупло от сломанной ветки, желательно в Александровском саду. Гриша Зельдин мог бы пролить свет на многие темные места этого запутанного кейса. Оставалось только побеседовать с ним по душам. И вот на этом этапе и возникали нестыковки.

Зельдин родился в Узбекистане, учился в Москве, стал бизнесменом в США. От природы приветливый и обаятельный, он легко вступал в контакт, и обработать такого неискушенного

сноба, как дипломат Леха, для него было проще пареной репы. В то же время школа Узбекистана с ее азиатской жестокостью и склонностью к предательству при любом удобном случае, продолженная в «университетах» Брайтон-Бич, научивших Гришу тревожиться, только если ствол приставили вплотную ко лбу, сделали из него человека, к которому подъезжать на кривой козе с пустыми руками не имело никакого смысла.

Все изменилось теперь, когда в сети генерала незаметно для самого себя заплыл этот слизняк Жомов, который не мог не иметь на Зельдина компромата, так как по своей замполитовской привычке собирал его на всех, с кем был знаком, и аккуратным, почти каллиграфическим почерком записывал в тетради в коленкоровых обложках.

Въехав на территорию войсковой части, расположенной в подмосковном лесу подальше от посторонних глаз, – наверное, поэтому на воротах все еще красовались пятиконечные звезды, а не двуглавый орел, – «мерседес» проехал во внутренний двор, где остановился возле небольшого, сложенного из желтого кирпича коттеджа. Кольцов немедленно отправился спать, приказав адъютанту разбудить его сразу, как только привезут Жомова. Уже лежа в кровати, он дал еще несколько распоряжений, попросил выключить свет и, повернувшись на левый бок, – он терпеть не мог спать на правом или на спине, – мгновенно заснул, дыша перегаром от почти в одиночку выпитого литра французского коньяка.

Кольцову недавно исполнилось сорок восемь, и сон его был беспокоен. Раза три он просыпался и, нащупав босыми, с синеватыми венами, ногами тапочки, почти не открывая глаз, топал в туалет. Возраст постепенно брал свое, а пить бесполезную дрянь, рекламируемую по телеку, он не собирался. Заснуть сразу теперь не удавалось. Алкоголь, дающий эйфорию в первые часы, к утру действовал как безжалостный коллектор, собирающий проценты на проценты с давно выплаченного кредита. Мысли его вертелись вокруг дочери. Наташа родилась поздно, почти на десятый год их с женой совместной жизни, и была сложным ребенком. С пяти лет они отдали ее в балетную школу. Жена, в прошлом неплохая фигуристка, выступавшая за рижское «Динамо», категорически отвергла возможность пойти по ее стопам, вспоминая сине-лиловые синяки у себя на пятой точке. Была, правда, еще секция синхронного плавания, но, побоявшись постоянных простуд, остановились на балете. Несмотря на титанические усилия, балерина из нее не вышла, и Кольцов винил в этом себя со своей сутулой фигурой и непропорционально длинными руками. Слава богу, руки у Наташи были нормальной длины и о сутулости не могло быть и речи, но даже в восемнадцать лет она была абсолютно плоская и худая и, в довершение ко всему, по какому-то генетическому капризу, сантиметров на пять выше своего отца. В этом году, окончив школу с золотой медалью, она без труда поступила в иняз имени Мориса Тереза. Платой за отличное знание языков были очки, которых она очень стеснялась и надевала только в случае крайней необходимости.

Его беспокоила ее замкнутость и отсутствие подруг. Кольцов не был альтруистом и умел извлекать из своего положения необходимые дивиденды. В офшорных компаниях Кипра и Багамских островов, номерных счетах в Андорре и Сан-Марино, в банках Цюриха и Берна у него хранились различные суммы денег, часть из которых принадлежала лично ему, а часть тем, с кем он работал на долях. Таким образом, его дочь была завидной невестой, и именно это его и беспокоило. Зная характер женщин, их ветреность, влюбчивость в смазливых болтунов, все это, помноженное на ослиное упрямство и склонность следовать прописным истинам, не подвергая их критическому и всестороннему анализу, он серьезно опасался увидеть своим зятем какого-нибудь гоголевского Хлестакова, называющего его папенькой и почти открыто волочащегося за каждой более или менее симпатичной юбкой. «Что за комиссия, создатель...» – повторил он про себя слова известного Фамусова и, с головой укрывшись одеялом, попробовал отвлечься от тревожных дум и поспать еще пару часов.

Следующее утро после трехдневного снегопада выдалось солнечным и по-январски морозным. В части были расквартированы два батальона спецназа, состоящих только из офи-

церов и сверхсрочников, и рота обеспечения. Из окна генеральского коттеджа был виден сверкающий черным вымерзшим асфальтом плац, и дальше, ближе к лесу, длинная цепочка бойцов в белых маскировочных комбинезонах с короткими автоматами наперевес, уходящая на лыжную подготовку. Кольцов зажмурился от яркого солнца, отражающегося от белоснежного снега, и вернул занавеску на прежнее место. В комнате снова наступил полумрак. Не сходя с места, он зацепил мизинцем браслет платиновых часов «Дайтона» с черным циферблатом. Дорогие побрякушки были его слабостью, стрелки сейчас находились в том положении, в котором обычно выставляют часы на витрине: десять часов десять минут. После контрастного душа он почувствовал себя бодрее и, покопавшись в шкафу, выбрал свежую рубашку и галстук, потом быстрым движением руки пробежался по вешалкам с наглаженными костюмами и остановился на темно-синем в крупную вертикальную полоску. В гостиной на столе стоял кофейник, стопка бутербродов и сковородка с только что пожаренной глазуньей. Женщина лет сорока, вольнонаемная из ближайшего поселка, вежливо поздоровавшись, продолжила раскладывать недостающие приборы.

– Чего, не словили супостата? – обратился Кольцов к адъютанту, спортивного вида старшему лейтенанту со сломанным, как у профессиональных боксеров, носом.

– Никак нет! Доставлен в два часа сорок семь минут! Товарищ генерал!

– Прекрати юродствовать! – они обычно общались по имени-отчеству, без званий и прочей мишуры, и только когда Славу – так звали старлея – ожидал легкий нагоняй за мнимое нарушение дисциплины (а к оным и относилось не разбудить генерала, послушавшись его приказа), он принимал официальный аллюр и, вытягиваясь в струнку, начинал нести всякую ахи-нею.

– Почему не разбудил? – Кольцов потянулся за белоснежной салфеткой и, положив ее на брюки, принялся намазывать булку толстым слоем масла.

– Не успел, товарищ генерал! Задержанный помещен на гауптвахту, а там в казематах трубы, видно, воздух набрали, температура низкая, всю ночь искал слесаря, переживал за здоровье доставленного. – Слава продолжал стоять по стойке смирно, самоотверженно глядя прямо перед собой. За два года на этой должности он ни разу не ошибся с выбором, когда будить шефа, а когда нет.

– Тогда понятно. Вольно, садись, давай рассказывай дальше. Нашел слесаря?

– Никак нет! – он опять вскочил.

Кольцов хлопнул ладонью по столу.

– Так, стоп, прекращай паясничать, говори нормально. Живой там этот, как его, Живов?

– Жомов? – осмелился уже нормальным тоном ответить адъютант. – Жив, чего ему будет?

Орал, мол, дубленку ему порвали при задержании, обещал жаловаться. Так я того, изъяс дубленку, думаю спросить кого из солдат, может, зашьют.

Доев яичницу и промокнув жир с тарелки белым хлебом, Кольцов не спеша допил кофе.

– Остальные вопросы решены?

– Да, все тип-топ. Репортаж в одиннадцать часов сорок семь минут тридцать секунд по второму в хронике выйдет.

– Отлично, иди спать, вечер будет долгий сегодня. И пусть мои нукеры ждут меня в штабе минут через двадцать. – Кольцов достал зубочистку и начал ковырять в зубах. Он никогда не любил спешить.

Вадим Вениаминович Жомов, промерзший за ночь до костей в нетопленном, обычно пустующем каземате, представлял собой жалкое зрелище. Из разбитой в суете задержания нижней губы сочилась сукровица, лацкан пиджака был надорван, а галстук, как и ремень, у него отобрали. Единственно нетронутыми были его очки: все знали про чувство солидарности Кольцова со всеми очкариками планеты. Зашедший за ним конвой поднял его из подвала на

третий этаж в скупо обставленное помещение с огромным телевизором «Панасоник», кое-как зажатый в углу тремя ящиками из-под патронов, поставленных один на другой.

Жомов испуганно осмотрелся; решетки на окнах ему очень не понравились. Увидев четверых вошедших, он безошибочно узнал в них людей своего круга и попытался вернуть себе свою вальяжность и хамоватость ни за что конкретно не отвечающего высокопоставленного функционера. Дождавшись, пока они рассядутся кто куда, он без приветствия и ненужного пролога решил пойти в атаку.

– Вы знаете, кто я такой? Я сотрудник Администрации, и все службы сейчас стоят на ушах! Кто вы такие? Я сейчас позвоню вашему начальству, и в лучшем случае вас просто уволят с волчьим билетом. Вы понимаете? – взгляд его рыскал по лицам сидящих напротив мужчин, он хотел понять, кто из них главный, кто опасен и какие еще садистские приемчики вроде заморозки можно от них ожидать. Один из них, в таких же тяжеловесных очках, с непозволительным для простого чекиста «Ролексом» на руке, явно был старшим. То, что это были чекисты, Вадим Вениаминович мог поклясться под присягой. Их постные рожи он мог вычислить из тысячи любых других. Будучи опытным политработником, он привык ставить свою службу выше остальных в армии по той простой причине, что особистам было запрещено лезть в их огород. Однако здесь творилось нечто, не поддающееся логике и явно выходявшее за рамки уставных отношений.

– Вадим, не стоит запираяться, – сказал один из мужчин, одетый в красный спортивный костюм с вышитыми сзади белым шелком словами «Сборная СССР». Подойдя и положив ему руку ладонью на загривок, он продолжил говорить все тем же доверительным тоном: – Игра проиграна. Рэкет, вымогательство – и это лишь малая часть преступлений, совершенных вашей группой. Вопрос, кем будешь в ней ты? Жертвой, вовлеченной обманом и угрозами, или активным членом?

«Ну это наглеж! У них ничего нет!» – Жомов как-то сразу воспрял духом, услышав обычную чекистско-ментовскую трепотню.

– Так, я требую адвоката, я имею право на телефонный звонок! Как я понимаю, у вас ничего нет. Неужели вы думаете, кто-то скажет про меня плохо?

Кольцов ждал этого момента, нетерпеливо поглядывая на стрелки хронографа.

– Вадим Вениаминович, а знаете, вы, наверно, правы, никто не даст никаких показаний, – сказал он, произнося слова медленно, почти по слогам. Затем, пощелкав пультом, направленным на «Панасоник», он выбрал второй канал.

В ленте происшествий рассказывали о трагической аварии, унесшей жизни как минимум двоих: пассажира и водителя внедорожника, который на большой скорости не справился с управлением и, вылетев на встречку, протаранил снегоуборочную машину. Водитель КамАЗа – здоровенный детина, совсем не похожий на коммунальщика, – все время поправляя ушанку, тупо спрашивал репортера, кто оплатит ремонт отвалившегося огромного ковша, действительно лежащего на асфальте рядом с искореженным «Брабусом», из окна которого торчала окровавленная рука с вытатуированным на ней черепом.

Сердце Жомова, сделав два мощных удара, помчалось галопом. Вены на висках его вздулись и посинели каким-то нехорошим предсмертным цветом. Он снял очки и подслеповатым взглядом стал искать какую-нибудь тряпицу – вытереть со лба едкий пот, заливавший ему глаза. В помещении было тепло, и после ледяного каземата его бросило в жар от ничем не примечательного репортажа, похожего на десятки других, еженедельно появляющихся на экране.

– Присел ты, Вадик, на бутылку! – продолжил мужик в спортивном костюме, так и не убравший все это время руку с его загривка, что позволяло ему улавливать флюиды животного страха, сочившиеся из-под кожи Жомова.

– И только от тебя, псина, зависит, расколется она сейчас у тебя где-то или мы позволим тебе ее спокойно самому вытащить в теплом домашнем клозете, – вступил в разговор третий.

Он подошел к как-то сразу скукожившемуся отставному полковнику и, засунув ему в нос симпатичные никелевые пассатижи, зажал ими носовую перегородку и плавно повел кистью руки вправо-влево, давая тому время повернуть голову, следуя за направлением боли.

– Знакомы? – еще один из присутствующих, тыкая ему в лицо фотографией Григория Леонидовича Зельдина, присоединился к допрашивающим.

Через несколько часов Жомов подписал все необходимые бумаги, сделал правильные звонки указанным абонентам. Ему дали поесть и оправиться, посадили в машину и отослали домой, постаравшись побыстрее избавиться себя от слов благодарности и клятв в преданности и дружбе. Дубленку, правда, так и не удалось починить: в роте обеспечения не нашлось хорошего скорняка.

Прошло несколько месяцев. В министерстве никто больше не расспрашивал Алексея Владимировича о его взаимоотношениях с правлением банка «Национальный». После майских ко Дню Победы ему в числе остальных вручили медаль ветерана дипломатической службы. Он, раньше сторонившийся Кольцова, теперь сам искал его общества, раз в неделю звонил ему на мобильный и, справившись, в Москве ли тот, звал посидеть где-нибудь, вспомнить молодые дни. Но у того все время что-то не складывалось, пока, наконец, перед отъездом в отпуск в Сочи он не нашел свободный вечер и они хорошо посидели, вспоминая, как на сборах один писал для другого любовные письма. Алексей так и не решился спросить, как там идут дела с умным человеком, как он по не вытравливаемой привычке продолжал мысленно про себя именовать Григория Леонидовича Зельдина. Сергей Николаевич Кольцов, в свою очередь, удержался от того, чтобы рассказать закадычному другу, как помимо важной оперативной информации он получил от ловкого Григория Леонидовича Зельдина двадцать миллионов долларов за обещание оставить того на свободе, если он будет хорошо себя вести и раз в неделю подробно рассказывать о происходящем в деловых кругах светского общества по обе стороны Атлантики.

* * *

Небольшой реактивный самолет, через сеть офшоров принадлежащий Северному холдингу, начал снижаться. Сергей Николаевич Кольцов, оторвавшись от своих воспоминаний, поправил спинку сиденья и, подняв шторку иллюминатора, посмотрел вниз. Они уже прошли тонкий слой облаков, и было хорошо видно Альпы, зеленую траву на французской стороне границы и серебристые зеркала разбросанных тут и там горных озер. Стюардесса, молодая красивая калмычка с раскосыми глазами, вежливо улыбаясь, забрала со столика недопитый стакан виски и серебряное ведро с почти полностью растаявшим льдом.

Много воды утекло с тех давних времен, о которых в редкие минуты откровенности он мог рассказать только очень близким людям. Сегодня, после разговора с Ромой Чекарем, он не переставал думать о Магомед с его теперь шаркающей походкой старика. Внутренняя симпатия по отношению к по-своему добродушному собаководу возникла у него еще тогда, когда тот, неуклюже поддерживая штаны, из которых при аресте вынули ремень, вошел к нему в кабинет. Все в жизни переставало быть случайным у людей, однажды встретившихся с Сергеем Николаевичем Кольцовым. Отслужившего срочную Магомед-Алиева пригласили работать в Кизлярский исполком, где он быстренько выучился не делать четырех ошибок в слове из трех букв, то есть, тыкая пальцем в старенький «Ундервуд», писать «еще» вместо «исчо». И уже через год его приняли в КПСС и избрали депутатом местного Совета. Прошли годы, прежде чем Кольцову самому пришлось обратиться к им же самим так искусно выращенному руководителю целого района. Тогда они были еще молоды и понимали друг друга с полуслова. Они и их ближайший круг стали еще богаче, всю первую половину нулевых успешно отжимая контрольные пакеты высокорентабельного металлургического бизнеса.

Но время неумолимо брало свое. Кольцову пришлось уйти в отставку скорее из-за возраста, чем из-за тех художеств, которые он себе позволял, руководя доверенной ему службой. Такое долголетие можно было объяснить присущим ему волчьим чутьем, с которым он безошибочно понимал, какую корову из хозяйского стада можно зарезать, не вызывая при этом гнева пастуха. Сейчас до очередного юбилея ему оставалось довольно долго, и он не чувствовал себя стариком. От природы жилистый, подтянутый, он сохранил военную выправку и, несмотря на официальный статус пенсионера, цепко держал в своих узловатых пальцах нити от всех финансовых хитросплетений многомиллиардного общака.

Увлеченный воспоминаниями, он совсем забыл позвонить своей дочери и сообщить точное время ожидаемого приземления. Он взял трубку встроенного в столик из африканского бубинго телефонного аппарата и по памяти, которая его никогда не подводила, набрал номер с префиксом «плюс тридцать три». Чтобы общаться с дочерью, он специально вручил ей симку, оформленную на проживающего во Франции выходца из Камеруна. Она сразу ответила на вызов. Оказалось, Наташа была недалеко от аэропорта, в ближайшем к нему торговом центре, и, уже успев купить две пары темных очков, сейчас выбирала себе туфли. Кольцов, любивший свою единственную дочь на грани между обожанием и обожествлением, понимал, как немногим он может ее на самом деле побаловать, и всегда поощрял ее дорогие и порой абсолютно бесцельные покупки. Как специалист, посвятивший многие и многие годы изучению процессов, связующих сознание и подсознание, он хорошо знал, как шопинг положительно влияет на настроение человека. Нейропроцессы, контролирующие наши покупки, возникают в той же части мозга, где находят свое удовлетворение охотничьи инстинкты гомо сапиенса как хищника, и как бы сознательная часть нашего мышления ни указывала на разительное несоответствие между покупкой скромного диаманта с характеристикой, к примеру, vvs1 и коллективным забиванием камнями и палками попавшего в хитрую ловушку мамонта, мозг, сформированный за миллионы лет эволюции, выдает на удивление одинаковый результат от, на первый взгляд, таких далеких по своей сущности действий.

Почти перед самой посадкой он прошел в туалет почистить зубы и освежить лицо. В полете он пару раз вздремнул, и сейчас неприятный вкус во рту его немного раздражал. Хрустальный стаканчик для зубной щетки мелодично звякнул пару раз, когда шасси суперджета коснулись бетона взлетно-посадочной полосы. Кольцов пригладил по-прежнему черные волосы на неизменный косой пробор и, ущипнув себя сначала за одну, потом за другую щеку, чтобы выглядеть пободрее, вернулся в салон. Окружавшая его роскошь кое-как компенсировала горечь от потерянной власти. Услужливая калмычка проводила его до выхода и подождала, пока он спустится по трапу и сядет в подъехавший лимузин, затем, кокетливо поправив пилотку и помахав рукой в белоснежной перчатке уже тронувшемуся авто, она зашла в кабину к пилотам. Оба уже немолодые – старшему было около сорока пяти, – они почти десять лет служили в частной авиации Северного холдинга, куда эйчар, в прошлом чиновник Генпрокуратуры, собирал лучших представителей авиационной элиты: испытателей и спортсменов-пилотажников. Второй летчик, помладше и не такой угрюмый, как командир, пошлепал Эльзу – так звали стюардессу – по спине и, задержав руку ниже поясницы дольше положенного по неписанному регламенту времени, сообщил, что они, скорее всего, остаются в Женеве минимум на три дня до особого распоряжения.

* * *

Спортивная машина медленно двигалась по улицам столицы вечно нейтрального государства. Только долгие светофоры прерывали ее плавное скольжение по почти пустым, без обычного трафика воскресным улицам. Согласно давно установленному порядку, отец с дочерью никогда ничего не обсуждали в машине, даже простые житейские темы оставались табу-

ированными. Номер в том же отеле, на том же этаже и с окнами, выходящими во двор, был букирован на имя гражданина Румынии Иона Ионеску. Это было обычной и разумной предосторожностью. Государство, интересы которого в свое время защищал отставной генерал, не забывая, впрочем, и о своих, было втянуто в локальные конфликты, после которых большое количество всякого отребья из числа недобитых террористов, боевиков и членов их семей нашли убежище у толерантных европейских демократов. В своем фиаско многие из них не без основания были склонны винить таинственную службу всемогущего когда-то генерала, а значит, любые предосторожности не были пустой перестраховкой.

Они перекусили в ресторане недалеко от отеля, без вина, отложив это маленькое удовольствие на потом, и, оставив машину в гараже уже до следующего утра, перешли по мосту на другой берег. В канун Рождества даже в самых дорогих бутиках было необычно многолюдно. Поднявшись на второй этаж особняка, полностью занимаемого французским домом Картье, они, не сговариваясь, перешли на английский язык, рудиментарный уровень которого позволял Кольцову общаться на бытовые темы. Этой хитростью они пользовались всегда, надеясь избежать общения с русскоговорящими продавцами, которые, словно гиены, набрасывались на посетителей, едва заслышав знакомую речь.

Походив недолго вдоль витрин с ювелирными украшениями, блеск и красота которых позволяли примириться с сумасшедшим ценником, Сергей Николаевич выбрал кулон из белого золота в форме головы пантеры, изумрудные глаза которой загадочно мерцали, как у живой кошки, высматривающей жертву. Быстро выбирать и не торговаться было одной из его отличительных черт.

Наташа могла себе представить цену этой безделушки, так легко, как бы между делом подаренной ей, но сегодня, в преддверии непростого разговора, начало которого откладывалось и откладывалось, этот подарок скорее тяготил, чем радовал ее.

– I think it will better to hand around this amazing jewelry to my mother²³, – сказала она, предпринимая последнюю попытку вежливо отказаться.

– My dear daughter! Put all your worries aside!²⁴ – возразил он. Кольцов выучил наизусть несколько фраз из мафиозной саги Марио Пьюзо и, надо сказать, весьма ловко использовал их в контексте своих обычно незамысловатых сентенций.

Они вышли на улицу и, к облегчению обоих, теперь могли перейти на свой родной язык. После душевной атмосферы бутика свежий, немного морозный воздух заметно улучшил настроение обоих.

– Твоей маме я уже приготовил подарки. Кстати, она спрашивала, сможешь ли ты вырваться в Москву хотя бы на пару дней. Она скучает по тебе. Или ты боишься оставить Вилена одного? – спросил он, по обыкновению мешая в одной фразе утверждения и гипотезы. Отец с дочерью шли мимо елочного базара, и десятки свежеспиленных деревьев, отдавая последние смолистые запахи живых веток, наполняли легкий ветерок, дувший в сторону озера, ностальгией по давно ушедшим временам, когда они всей семьей втроем встречали Новый год в своей двушке на Юго-Западе. Оба вопроса, заданные почти одновременно, были ожидаемыми, но Наталья Сергеевна, зная ответ на каждый из них, промолчала и со вздохом неизбежной покорности положила красную коробочку с драгоценностью к себе в сумочку. Чуть наклонившись, она поцеловала отца в щеку.

– Спасибо, пап! Если честно, я давно хотела что-то такое красивое и узнаваемое, как эта пантера! – она провела рукой в перчатке по его лицу, стараясь стереть следы помады, и, не удержавшись, поцеловала его еще раз.

²³ Я думаю, лучше подарить это украшение моей маме (*англ.*).

²⁴ Моя дорогая дочь, можешь больше не беспокоиться (*англ.*). (Вторую часть этой фразы говорит Дон Корлеоне в «Крестном отце» булочнику, пришедшему просить оставить жениха его дочери в Америке. – *Примеч. авт.*)

– Ну и ладушки! – говоря это, Кольцов достал из кармана носовой платок и сам удалил остатки помады со своего лица. – Здесь мы можем говорить более или менее свободно, – сказал он. Опасаясь специалистов по липридингу, Сергей Николаевич продолжал возиться с платком.

Они остановились у парапета и, прислонившись к нему, пожилой мужчина приготовился выслушать длинную и запутанную историю, детали которой были настолько опасны, что говорить о них можно было только здесь, поеживаясь от холода и прикрывая губы ладонью.

Не представляя, какими словами и с какого места начать объяснять все тонкости их отношений, Наташа просто произнесла почти полупрошептом:

– Вилен совсем слетел с катушек. Его любовник уговаривает – нет, скорее проблема в том, что уже уговорил, – на очень опасную аферу.

Привыкший ничему не удивляться, генерал мысленно снял шляпу перед своей дочерью. Он ожидал услышать от нее какую-то жесть про карты или рулетку, может быть, адюльтер с молодой симпатичной секретаршей, работающей на контрразведку, в худшем случае – о каком-то компромате, с которым пронырливые цэрэушники попробовали начать с Виленом Алексеевичем диалог. И сейчас он как никогда оценил ее спокойствие, не без гордости за себя и свою, как он про себя выразился, школу.

– Представить себе! Он реально гомик? По правде сказать, подозрения должны были посетить меня раньше. Ты давно в курсе?

– Папа! Во-первых, он не гомик, а, как бы это правильно выразиться, человек широких взглядов. Во-вторых, о его свободных нравах я узнала в первую же ночь, он сам мне все рассказал, и, так как я оказалась старорежимной туповатой деревенщиной, наша супружеская жизнь в ее интимной фазе проходила в диссонансе.

– То есть ты знала об этом с самого начала и не сказала нам с матерью ни слова?

– Мне кажется, сейчас не время и вообще не имеет смысла это обсуждать. Мне больно об этом говорить, но чуть раньше я пришла к вам за помощью, и вы отправили под нож меня и моего ребенка! – Наташа, произнося последние слова, почувствовала, как судорога от усилий сдержать слезы сковала мышцы лица. Незаметным движением она смахнула две слезинки с краешек глаз и продолжила, стараясь не поддаваться нахлынувшим воспоминаниям. – Короче, этот человек имеет на Вилену сильное влияние, и он уговорил его провезти наркотик по дипканалам. Вилен сначала согласился, потом, видимо, начал понимать, к чему это приведет, и в панике рассказал об этом мне. Ему необходима твоя помощь, и он устраивает истерики каждый день. Я больше не могу жить под этим прессом. Я хочу развестись. Вернусь в Россию, там все сейчас изменилось в лучшую сторону, ты и сам знаешь. Нет смысла цепляться за эфемерные привилегии.

– Да, Москва преобразилась.

Неожиданно для себя Кольцов как-то легко воспринял все сказанное. Пропустив упреки дочери мимо ушей – у него на этот счет было свое, прямо противоположное мнение, – он всерьез задумался о смысле пребывания своей дочери в несчастливом браке. Кроме того, Наташина мать, прикованная к креслу-каталке, нуждалась не только в уходе, но и в человеческом тепле. И если медицинская часть вопроса успешно решалась за счет щедрой оплаты выставляемых ему паллиативщиками счетов, то со второй частью вопросов становилось все больше и больше. Деятельный по натуре, он был не в состоянии проводить часы, сидя рядом и держа в своих руках пальцы одряхлевшей старухи, в которую болезнь и время превратили некогда сногшибательную красотку. Латышка по отцу и украинка по матери, она жила в его памяти тем почти неземным существом, которое он впервые увидел на стадионе рижского «Динамо». Теперь, приходя к ней в больницу, он не верил своим глазам. Происходящее казалось ему сном. С присущим ему эгоизмом он сразу уловил скрытые выгоды от возвращения дочери в родные пенаты. Алиса, его жена, действительно скучала по Наташе и каждый раз подробно расспрашивала о ней.

– Ты взрослый человек и вправе принять любое решение, тем более мать нуждается в нашем участии, однако мы стоим здесь на ветру не для обсуждения темы развода. Расскажи мне в деталях с того места, с которого тебе удобнее, про Вилена Алексеевича. Я постараюсь тебя не перебивать, – продолжил он.

– Ты хочешь услышать, что я знаю от Вилена о существовании этой аферы? Тогда приготовься слушать, там все очень запутанно и сюрреалистично. Ты слышал когда-нибудь о Пабло Пикассо? – вопрос был риторический и, не дожидаясь ответа, она продолжила: – Нет, не как о художнике, картины которого стоят баснословных денег, а как о директоре и распорядителе музея Прадо в Мадриде. Так вот, его любовь к коммунистам, а их к нему, была не так бескорыстна и не так парадоксальна, как кажется.

– А в чем парадокс? Великий художник выступает за справедливость...

– Ты обещал меня не перебивать.

– So stick to the point²⁵.

– Мы не в магазине, что с тобой?

– Так удобнее, в переводе будет менее точно.

– Папа, ты меня доконаешь! Прошу, не перебивай меня, пожалуйста. Так вот, когда войска генерала Франко стояли уже недалеко от Мадрида, твой борец за справедливость паковал шедевры, не только свои, следует заметить, и отправлял их именно сюда, в Швейцарию. Потом, после войны, была реституция, шедевры вернулись обратно.

– Так в чем проблема? – Кольцову всегда становилось скучно, если история начиналась так издалека. Он по своему опыту стяжателя доподлинно знал, как трудно вернуть утраченное и присвоенное кем-то тайно.

– Ходят слухи, вернулось не все. Здесь где-то в горах есть частное хранилище картин. Нет ни каталога, ничего, указывающего на законность обладания этими картинами. Неизвестно даже, что это за картины. Официальные источники стерли упоминание об их существовании. Они существуют – и не существуют.

– Значит, картины нельзя продать без риска потерять их в бесконечных судебных тяжбах? Старые маразматика из Гааги между затяжками коноплей вынесут вердикт, который не оставит нам никаких шансов.

– Такие картины не надо продавать, их надо повесить в своем особняке где-нибудь на западном направлении от Золотоглавой, и утром в халате, помешивая сахар в чашечке с кофе, просто смотреть на них. Поднимает настроение. *Alors donc revenons à nos moutons*²⁶. Вилену предложили несколько картин в обмен на кокаин: это как криптовалюта, базовое условие сделки. Он полностью под влиянием этого человека, или группы, не знаю, у них это как секта. Все окутано тайной. Я пыталась как-то прояснить общие тезисы, но максимум, чего добилась, – это листок с нацарапанным на нем списком авторов и их работ. Одним словом, это билет в один конец. И знаешь еще что? Тогда, много лет назад, я была душой, позволив вам загнать меня в угол. Только сейчас я начала это понимать. Поэтому все наши прежние договоренности идут сам знаешь куда. Я сейчас задам тебе вопрос, и если ты мне на него не ответишь прямо здесь, можешь забыть обо мне.

– Какой вопрос? – Кольцов приготовился валять дурака по своей привычке тянуть время, если у него не было ясного понимания происходящего.

– Где Рома?

– Какой Рома?

Наташа молча открыла сумочку и, достав футляр с пантерой, сунула его в руку отца, не особенно заботясь о том, удержит он его или нет. Зная его упрямый характер и любовь к блефу,

²⁵ Тогда не отвлекайся (*англ.*).

²⁶ Ну что же, давай вернемся к нашим баранам (*франц.*).

она, не произнося больше ни слова, направилась в сторону отеля, где, не поднимаясь в номер, завела свой «Порше» и, стараясь не превышать скорость, уехала к себе в резиденцию.

Глядя на черную воду озера, Кольцов, повертев темно-вишневый футляр в руках, сунул его в карман пальто и решил поужинать в испанском ресторане Pasargades, минутах в десяти от места, где он находился. Сделав несколько шагов в сторону Rue du Rouvray, Сергей Николаевич внезапно остановился с ухмылкой человека, на ум которому пришло какое-то неожиданное и элегантное решение сложной задачи, вытащил айфон и прогуливающимся шагом двинулся обратно к мосту Mont Blanc. Черный лимузин, тот же самый, который встречал его в аэропорту, ехал ему навстречу, пока они не поравнялись. Шофер, поморгав фарами дальнего света, сделал знак, что заметил его, и, не включая поворотника, развернул машину через сплошную и плавно затормозил рядом.

– Поехали в «Сигалон», – сказал Кольцов, поудобнее устраиваясь на заднем сиденье.

– Это тот рыбный возле границы? – водитель говорил с горловым акцентом, безошибочно выдававшим в нем выходца с Кавказа.

– Дорогу, я надеюсь, помнишь? – в голосе генерала чувствовалось легкое раздражение.

– Сейчас забью в навигатор, – кавказец остановил машину и начал тыкать пальцами по дисплею.

– Сколько раз я тебе говорил купить карту и, пока меня нет, выучить все маршруты? Давай поезжай, я покажу дорогу. Надо развернуться, доедем до парка, и там второй направо. И если к следующему моему приезду не будешь знать хотя бы места, где мы бываем, вернешься в Кизляр. Там будешь по навигатору на ослах ездить, – впрочем, последние его слова звучали не очень убедительно. Кавказец был каким-то дальним родственником Магомед-Алиева, и в средневековых хитросплетениях клановой иерархии на его долю приходилась именно эта должность. В очередной раз отставной генерал загрустил о тех временах, когда работал только с теми, кому не надо было ничего объяснять.

В мишленовском рыбном ресторане Le Cigalon он заказал Carte blanche au chef и бутылку вина Haut-Brion Blanc 2004 года и, посмотрев на часы, приготовился ждать человека, который не мог не быть в курсе любых движений на черном рынке, и, значит, слухи об утерянных шедеврах должны были докатиться и до него.

* * *

Подошел официант и, держа бутылку легендарного вина, дал возможность Кольцову внимательно рассмотреть этикетку. Как обычно бывает в таких случаях, тот только кивнул головой, давая понять, что удовлетворен увиденным. Совсем недавно, когда он получил возможность путешествовать по миру уже без письменного разрешения начальства, которое в этой жизни есть у всех, Наташа объяснила ему, на что обращать внимание, когда пробуешь вино. Теперь он мог с видом знатока оценивать симметричность *les jambes*²⁷, стекающих по стенкам бокала, а главное, и это ему нравилось больше всего, делать не очень довольное лицо, если температура белого вина была выше положенной. Вино было холодным, и он, чувствуя жажду, выпил сразу по-русски весь фужер. Аурелио Васкес, человек, которого он ждал, появился незаметно, проскользнув между столиком и креслом, уселся напротив и молча замер, как будто сидел здесь всегда.

²⁷ Ноги (*франц.*). Вино, стекающее по стенкам бокала, образует параллельные линии, видные на стекле. Чем более они ровные и параллельные, тем лучше качество вина.

– ¡Hola! ¿Qué tal todo?²⁸ – поприветствовал его Кольцов, сразу исчерпав весь свой словарный запас испанского языка. – Ты что, в туалете прятался? Я не видел, как ты зашел, – продолжил он.

– Ваша школа! И не прятался, а был по нужде, – мы, люди, несовершенны и вынуждены посещать туалеты не из праздного любопытства, – говоривший был моложе генерала лет на тридцать и поэтому всегда обращался к нему на «вы». Кольцов, все больше европеизировавшийся за последние годы, предпочитал общаться проще и без отчеств, но с Аурелио Васкесом ничего поделаться было нельзя, и он махнул рукой, оставив тому право на это обращение. Он говорил бегло по-русски и почти не путал падежи, что значительно улучшало его ценность как агента. Они заказали еще Fruit de mer²⁹, и официант, достав бутылку Haut-Brion из ведерка со льдом, разлил его по фужерам, которые сразу покрылись мелкими капельками конденсата. Внутри украшенного к Рождеству ресторана было тепло, и тонкие нотки авторской кухни, смешивавшиеся с дорогим парфюмом нарядно одетых гостей, создавали непередаваемую атмосферу благополучия.

– Когда происходят такие совпадения, невольно начинаешь верить в судьбу, – продолжил говорить Васкес. – Моя секретарша – она, к слову, идиотка – перепутала даты, бронируя мне билеты на самолет, и сегодня, отстояв очередь на Vueling³⁰, – а вы знаете, что очереди на этом low cost³¹ перевозчике просто ужасны, – я узнал, что улетаю завтра. Отели перед Рождеством забиты, я с трудом нашел место в каком-то хостеле и буквально собирался засыпать, положив под голову мою дорожную сумку, когда ваш звонок выдернул меня из теплого гнездышка. По моим планам сегодняшний вечер я должен был провести в Мадриде, где меня ждут моя мать и сестра Долорес, я как-то рассказывал вам о ней.

– Возможно, что такие случайности и делают нашу жизнь неповторимой, – произнеся это, Кольцов сам удивился апокрифичности сказанного, но решил не развивать сюжет. Он рассчитывал подойти к цели своей встречи в тот самый момент, когда «good last time»³² от выпитого вина будет в своей первой трети.

Принесли морских гадов, и мужчины, не сговариваясь, принялись поливать устриц и лангустин лимонным соком.

²⁸ Привет! Как жизнь? (*исп.*).

²⁹ Морепродукты (*франц.*). Дословно «морские фрукты».

³⁰ Летающий (*исп.*). Название испанской авиакомпании.

³¹ Бюджетный, недорогой (*англ.*).

³² Время, в течение которого вино приносит удовольствие, а не похмелье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.